

СОВЕТСКАЯ

Газета
Центрального Комитета
КПСС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1985

Вторник, 3 сентября
№ 106 (6050)
Выходит по вторникам,
четвергам и субботам
Цена 6 коп.

КУЛЬТУРА

ОТВЕТЫ М. С. ГОРБАЧЕВА американскому журналу «Тайм»

Американский журнал «Тайм» обратился к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву с просьбой ответить на ряд вопросов, а также принять для беседы генерального директора журнально-издательской корпорации «Тайм» инкорпорейтед Г. Гронвальда, главного редактора журнала «Тайм» Р. Нева, заместителя главного редактора Р. Диксона и главу Московского бюро журнала Дж. Диксона. Беседа состоялась 28 августа с. г.

Ниже публикуются ответы М. С. Горбачева и его беседа с американскими журналистами.

Вопрос. Как бы Вы охарактеризовали нынешнее состояние советско-американских отношений и какие главные события сейчас определяют эти отношения?

Ответ. Если бы вы задали мне этот вопрос месяца два назад, я сказал бы, что ситуация в наших отношениях становится несколько лучше, что появляются какие-то надежды на позитивные сдвиги.

Сегодня, к глубокому сожалению, так сказать уже не могу.

Правда надо смотреть в глаза. Несмотря на зачисление переговоров в Женеве и договоренности о встрече в верхах, отношения между нашими странами продолжают ухудшаться, гонимая вооружения усиливается, военная угроза не спадает. В чем же дело, почему это происходит? Я и мои коллеги достаточно требовательно и самокритично относимся к собственной деятельности — не только внутри страны, но и вовне. И мы снова задаем себе вопрос: может быть, это связано как-то с нашими действиями?

Но в чем нам в данном случае можно себя упрекнуть? Ведь в области ответственности останки Москвы старается соблюдать сдержанность в высказываниях в отношении США, не прибегает к антиамериканским кампаниям, тем более не разжигает ненависти в отношении нашей страны. Мы считаем очень важным, чтобы даже в моменты политических обострений не было подорвано чувство традиционного уважения советских людей к американскому народу, чувства, насколько я могу судить, во многом взаимного.

А разве плохо, что в условиях, когда возобновились переговоры о разоружении, и идет подготовка первой после шестилетнего перерыва встречи в верхах, мы настойчиво ищем способы разорвать порочный круг и вывести из тупика процесс ограничения вооружений? Именно такую цель преследует, в частности,

наш мораторий на ядерные взрывы, обращение к США с предложением присоединиться к нему и возобновить переговоры о полном запрете ядерных испытаний, так же, как и предложения о мирном сотрудничестве и предотвращении гонимости вооружений в космосе. Мы убеждены: надо вместе искать выход из нынешнего сложного положения.

И непонятно, почему у ответственных деятелей США наши предложения вызвали столь открытое недовольство. Известно, что их попытались изобразить как чистую пропаганду — не более того.

Любой мало-мальски знакомый с милом вопросом человек без труда увидит, что за нашими предложениями стоят самые серьезные намерения, а не какал-то попытка повлиять на общественное мнение. Все реальные усилия по ограничению ядерных вооружений начались с запрета испытаний — вспомните договор 1963 года, ставший первым большим шагом на этом пути. Полное прекращение ядерных испытаний оговорено в гонимом ядерных вооружений на самом опасном — казачестве — направлении. Кроме того, оно послужило бы серьезным вкладом в сохранение и укрепление режима нераспространения ядерного оружия.

Если уже во всем, что мы делаем, и впрямь видят одну пропаганду, почему бы не ответить на все по принципу: «оно за око, зуб за зуб»? Мы прекратили ядерные взрывы. И вы, американцы, в отместку выли и сделали бы то же самое. А вдобавок нанесли бы нам еще один пропагандистский удар — приостановили бы, скажем, разработку одной из новых стратегических ракет. А вы ответили бы такой же «пропагандой». И так далее и тому подобное. Кому, спрашивается, повредило бы соревнование в такой «пропаганде»? Конечно, оно не смогло бы заменить всеобъемлющего соглашения об ограничении вооружений, но, несомненно, явилось бы важным шагом к такому соглашению.

Администрация США пошла, увы, по другому пути. Отвечая на наш мораторий, она демонстративно, как бы нагло всем и вся, поспешила провозгласить очередную ядерную взрывы. А на наши предложения о мирном космосе ответила решением провести первое боевое испытание противоспутникового оружия. И развернула в придачу очередную «кампанию ненависти» против СССР.

Какие впечатления все это производит? С одной стороны,

какое-то замешательство и неуверенности в Вашингтоне. Объяснить это могут лишь, одним — беспоконием, как бы наши инициативы не подорвали версию о Советском Союзе как «средоточии зла» и источнике всеобщей опасности, на которой, собственно, и строится вся политика гоним вооружений. С другой, впечатление нехватки чувства ответственности за судьбы мира. А это, честно говоря, снова и снова ставит перед нами вопрос: можно ли вообще в такой атмосфере нормально вести дела и строить рациональные отношения между странами?

Вы спросили, что является главным, определяющим в советско-американских отношениях. Я думаю — тот непреклонный факт, что нравятся мы друг другу или нет, но выжить или погнубить мы можем только вместе. Главный вопрос, на который мы должны себе ответить, — готовы ли мы, наконец, признать, что нет иного пути, как жить друг с другом в мире, готовы ли мы перестроить свой образ мыслей и действия с военной на мирный лад? Как говорят у вас — жить и давать жить другим. Мы называем это мирным сосуществованием. Что касается Советского Союза, то на этот вопрос мы отвечаем утвердительно.

Вопрос. Каковы, как Вы считаете, будут результаты Вашей встречи в Женеве с президентом Р. Рейганом в ноябре? Какие конкретные действия следует предпринять США и Советскому Союзу для улучшения их двусторонних отношений?

Ответ. По существу, я уже изложил причины, по которым сегодня смотрю на перспективы женевской встречи более осторожно, чем тогда, когда мы на эту встречу давали согласие. Ведь ее итоги будут во многом зависеть от того, что происходит уже сейчас.

Пожалуй, каждый согласится, что политическая атмосфера переговоров формируется загода. Ни президент, ни я не сможем игнорировать настроения внутри своих стран, а также настроений союзников. Иными словами, действия сегодня в значительной мере определяют и «партнеры» для ноябрьского разговора.

Не буду скрывать, я разочарован и обеспокоен происходящим. У нас не может не вызывать озабоченности тот подход, который, как мне кажется, начинают складываться в Вашингтоне — и из его

практической политики, да и из высказываний ответственных сотрудников Белого дома. Это сценарий нагнетания, попытка зажать нас в угол, принизить нам, как это не раз уже бывало, все смертные грехи от развязывания гоним вооружений и до «агрессивности». Ближним Востоком, от нарушения прав человека и до каких-то войн даже в ЮАР. Не государственная политика, а какие-то личностные поносы «неизвестной силы».

Мы готовы к предметному и деловому разговору — можем предвидеть и свой счет. Хочу заверить читателей журнала, что у нас есть что сказать и насчет ответственности США за гоним ядерных вооружений, и их поведения в разных регионах мира, и поддержки тех, кто по сути дела занимается терроризмом, и нарушения прав человека в самой Америке, а также во многих других ее странах. Но я думаю вот о чем: стоило ли ради этого затевать встречу в верхах, с которой и наши народы и люди на всех континентах связывают надежды на мир, безопасность и спокойную жизнь. Брань хорошему делу не помощник.

Инициатива столь важной встречи мне представляется иной. Мы в Москве, разумеется, полностью отдаем отчет в глубине того, что нас раздает. Знаю, с тем, что сказано политическими лидерами США за последние годы, мы не могли оставить без внимания высказывания, которые выдают у нас космические, а часто, прямо говоря, и возмущение, но вместе с тем не теряя надежды, что все же можно найти точки соприкосновения, зоны общих или параллельных интересов. Основания для этого есть. Вить, например, высказывания о том, что нельзя вести ядерную войну и нельзя в ней победить, или о том, что США не стремятся к военному превосходству. Словом, я рассчитывал на честный, непредвзятый разговор, проникнутый стремлением найти путь назад от края ядерной пропасти. Обсуждать же мифы и стереотипы, уже порядком надоевшие, а реальные проблемы, реальные интересы наших стран, наше будущее, будущее всего мирового сообщества.

Но, судя по всему, другая сторона готовится сейчас совсем не к этому. Дело, похоже, ведут и схватив своего рода политический «сверхгладкий» думая лишь о том, как проловить узы партнера, как набрать в этой «схватке» лишнее очко. Поражает при этом как форма, так и содержание

некоторых выступлений. Тому пример — недавний «лендинг» господина Макфарлена. В ней в полном объеме содержится не только тот «набор обвинений», который нам собирается предъявить и Женева, но и очень своеобразная, и бы сказать, трагичная предостерегающая программа. Означается, даже малейшее продвижение вперед является отступом Советского Союза. Уступок по всем вопросам — вооружениям, региональным проблемам, даже по нашим внутренним делам.

Если все это говорит всерьез, то в Вашингтоне готовится лаво не к тому событию, о котором мы договаривались. Встреча на высшем уровне предназначается для переговоров, причем, переговоров на основе равенства, а не для подписания акта о чьей-то капитуляции. Тем более, что мы в Америке не проигрывали ни одной войны, ни даже сражения и равным счетом ничего ей не должны. Так же, впрочем, как и США.

Если же все это не всерьез, то возмущение всплеском тем более неуместно. Зачем играть, без нужды, мускулами, разыгрывать шумные сценарии, переносить приемы внутренней политической борьбы на отношения двух ядерных держав? В них язык силы беспочвен и опасен. Но до встречи на высшем уровне есть еще время и можно сделать немало для того, чтобы она была конструктивной и полезной, а это, как вы понимаете, зависит от обеих сторон.

Вопрос. Каково Ваше мнение об исследовательской программе стратегической оборонной инициативы в контексте отношений между СССР и США? Видите ли Вы возможность взаимного соглашения, запрещающего разработку таких систем, и на каком роде проверки Советский Союз согласится в таком случае? Каково развитие событий Вы предвидите по другим аспектам контроля над вооружениями, если такого соглашения не удастся достичь?

Ответ. Официальный Вашингтон, отвечая критикам как называемой стратегической оборонной инициативы, любит приводить аргумент, который, возможно, кажется ему убедительным — ведь против «звездных войн» выступил русский. А раз так, то почему бы не пойти по пути утверждения мифа Стратегической оборонной инициативы, который неизбежно приведет к новому обострению советско-американских отношений. Чтобы этого не произошло, надо, как договорились в Женеве,

создать ситуацию, в которой проигрывают обе стороны. Это ядерная война, гоним вооружений, международная напряженность. И есть, соответственно, ситуация, в которой обе они выигрывают. Это мир и сотрудничество, равная безопасность, ликвидация страха перед ядерной катастрофой.

Что до оценки программы «звездных войн», то мы не можем всерьез принять утверждения, будто СОВ обеспечит неуязвимость от средств ядерного нападения и тем самым приведет к ликвидации ядерного оружия. Это, по мнению наших и, как я знаю, многих наших специалистов, несбыточный фантазм, пустая мечта. Но даже в тех, наименее более скромных, масштабах, в которых СОВ, по оценке специалистов, осуществима как ограниченный по своим возможностям система противоракетной обороны, она очень опасна. Этот проект, несомненно, подстегнет гоним вооружений на всех направлениях, а это значит, угроза войны возрастет. Проект поэтому для всех нас, и для вас, для всех плох.

Под этим же углом зрения мы рассматриваем и то, что называется исследовательской программой СОВ. Прежде всего, мы не считаем ее исследовательской. По нашему мнению, это первая очередь проекта создания новой системы ПРО, запрещенной соответствующим договором 1972 года. Подумайте об одних только масштабах — на ближайшие годы хотят выделить 70 миллиардов долларов. Ни чистые исследования — это немалая сумма, на это уходят и американские ученые. Ведь речь идет об ассигновках, превышающих в сегодняшних ценах в четыре с лишним раза стоимость «Михайловского проекта» — программы создания ядерного оружия, и в два с лишним раза стоимость программы «Аполлон», предусматривавшей развитие космонавтики на целое десятилетие — вплоть до высадки человека на Луну. О том, что это отнюдь не чисто исследовательская программа, говорят и другие факты, в том числе намеченные испытания систем ударного космического оружия.

Вот почему и вся программа СОВ и ее так называемая исследовательская часть — это новый, еще более опасный раунд гоним вооружений, который неизбежно приведет к новому обострению советско-американских отношений. Чтобы этого не произошло, надо, как договорились в Женеве,

варе министр иностранных дел СССР и государственный секретарь США, предотвратить гоним вооружений в космосе. Мы уверены: соглашение на этот счет возможно и оно поддается проверке. Должен заметить, что мы верим американцам не больше, чем они нам, и потому так же, как они, заинтересованы, чтобы каждое соглашение поддавалось надежной проверке.

Если такого соглашения не будет, не удастся достичь и соглашения по ограничению и сокращению ядерных вооружений. Зависимость между оборонительными и наступательными вооружениями настолько очевидна, что не нуждается в доказательствах. Таин образом, если нынешняя позиция США по космическому оружию — это их последнее слово, то переговоры в Женеве об этом надо прямо сказать, потеряют всякий смысл.

Вопрос. С того времени, как Вы стали Генеральным секретарем, Вы предприняли несколько шагов для улучшения состояния советской экономики. Не могли бы Вы сообщить нам о дальнейших шагах, которые Вы надеетесь предпринять? Каковы, по Вашему мнению, главные проблемы советской экономики? Какие изменения в мировой экономике могли бы принести пользу Советскому Союзу?

Ответ. Начну с истории. Есть проблемы, возникновение которых от нас никак не зависело. Советской власти досталось тяжелое наследие от прошлого режима: отсталая экономика, сильные пережитки феодализма, безграмотность миллионов.

Добавить к этому две опустошительные войны, которые прокатились по значительной части страны, испепелили и разрушили многое из того, что было создано трудом народа. Были жертвы неисчислимы. 20 миллионов погибших в годы Отечественной войны, миллионы раненых, искалеченных. С тех пор минуло 40 лет, но память нашего народа хранит горькие страницы пережитого, тяжесть понесенных утрат. Чтобы залечить раны в сердцах людей и на теле земли, советскому народу нужен был мир, и только мир.

На Западе не раз писали: чтобы восстановить разрушенное наследство фашизма, СССР потребуется 50—100 лет. Советские люди сделали, казалось бы, невозможное, в самые кратчайшие сроки восстановили народное хозяйство. Но факт остается фактом —

войны и периоды восстановления отняли у нас из послевоенного десятилетия почти два десятилетия, если не больше.

В сложных условиях, используя потенциал нашей системы, мы смогли превратить Советский Союз в крупнейшую экономическую державу мира. В этом проявились сила и огромные возможности социализма.

Вместе с тем есть трудности и другого порядка, связанные с нашими недостатками и упущениями. Об этом мы говорим открыто. Не всегда хорошо работаем, не учились еще кооперироваться, как того требует современная экономика и позволяют наши огромные возможности: ресурсы сырья и квалифицированной рабочей силы, высококачественная наука — особенно фундаментальная — поддержка и, как мы сейчас видим, готовности и желание людей работать лучше, качественнее, эффективнее.

Время властно диктует необходимость решительного улучшения дел. Из этого и родилась концепция ускорения: социально-экономического развития. Для нас сегодня — это важнейшая, самая приоритетная задача. После всестороннего обсуждения определены пути ее решения. Мы намерены улучшить использование капитальных вложений, отдать приоритет развитию таких важнейших отраслей, как машиностроение, электротехническая и электронная промышленность, энергетика, транспорт и другие. В центре внимания остаются и отрасли агропромышленного комплекса, особенно переработки и хранения сельскохозяйственной продукции. В общем, для более полного удовлетворения потребностей в высококачественных продуктах питания мы будем делать все необходимое.

Улучшение работы народного хозяйства потребует дальнейшего укрепления централизации по стратегическим направлениям экономики — более строгого подчинения отраслей, регионов, отдельных звеньев хозяйства интересам экономического развития. Но мы идем одновременно и по пути укрепления демократических начал в управлении, расширения самостоятельности объединений, предприятий, колхозов и совхозов, развития самоуправления на местах, расширения инициативы и предприимчивости, конечно, в интересах общества, а не во вред ему.

(Окончание на 2-й стр.)

Встреча М. С. ГОРБАЧЕВА с Ж. МАРШЕ

2 сентября состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем Французской компартии Ж. Марше.

Беседа проходила в атмосфере искренней дружбы и товарищеского взаимопонимания и характеризовалась обоюдным стремлением способствовать дальнейшему развитию сотрудничества и солидарности между двумя партиями. Руководители КПСС и ФКП обменялись информацией о деятельности своих партий и обсудили ключевые проблемы мировой обстановки.

В результате встречи они приняли совместное заявление, которое публикуется отдельно.

Во встрече приняли участие члены Политбюро, секретарь ЦК Французской компартии М. Гренец, а также члены ЦК КПСС, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин.

В этот же день М. С. Горбачев дал завтрак в Кремле в честь Ж. Марше. На завтрак были члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков, М. Гренец, другие товарищи.

Во время встречи (ТАСС). Фото В. Мастокова и В. Соболева (ТАСС).

УРОК МИРА

С первым звонком, известным о новом учебном году, начался этот урок. Он проходил в каждой школе, в каждом классе, в каждой из учительских и ученических кабинетов, в каждой из комнат Советского комитета защиты мира, в каждой из залов XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. О чем говорили они, обращаясь к ребятам? О самом важном, о самом главном для человечества — мире. Потому что по традициям новое школьное расписание открыл Урок мира.

Светлым словом «мир» отмечена жизнь наших детей. Оно — одно из первых, которое учатся писать первоклассники вместе с другими замечательными словами «Родина» и «Мир». Вечер, впервые переступив порог школы, они узнали о том, как много делают для утверждения мира Страны Советов, маленьких граждан, которых которой они являются. Четкая позиция Советского Союза, стремящегося к миру, разрядке международной напряженности, предотвращению гоним вооружений в космосе, оздоровлению советско-американских отношений, была еще раз подчеркнута в ответе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева американскому журналу «Тайм».

Урок мира прошел и в школе № 69 Фрунзенского района столицы. В гости к старшеклассникам пришли из сверстников из США, представляющие организацию «В детях — будущее». Да, будущее принадлежит детям. Но какими будет оно?

«Мы хотим мира, потому что наша страна испытывает все ужасы войны», — говорили москвичи ребята своим гостям из Америки. А потом познакомили их с музеем боевой славы, который носит имя выпускника школы Героя Советского Союза А. Дьяконова. Вот уже сорок лет советский народ свято хранит память о двадцати миллионах, не вернувшихся с полей сражений. Во имя этой памяти, во имя мира создают школьные музеи, ставят обелиски, заботятся о семьях павших.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- Прозвучит Сибирь в край высокой культуры! (стр. 3).
- «Клуб телезрителей»: кандидат экономических наук В. Кривошеев пишет о диалоговой форме телепередачи, биограф И. Карпова рассказывает о совершенствовании биографического жанра на телевидении, критик М. Туровская рецензирует передачу о Юрии Грифонове (стр. 4).
- Заметки о кинофильме «Человек в аккордеоне» (стр. 5).
- Почта редакции посвящена актуальным вопросам культуры, быта, морали (стр. 6).
- Корреспонденция о начале матча на первенство мира по шахматам между А. Карповым и Г. Каспаровым (стр. 8).

ОТВЕТЫ М. С. ГОРБАЧЕВА на американскому журналу «Тайм»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Словом, мы ищем наиболее рациональные методы хозяйствования. Проводятся крупные экономические эксперименты, суть которых — создать более эффективный механизм хозяйствования, способный решить проблемы научно-технического прогресса, улучшить использование всех ресурсов. Мы добиваемся, чтобы на решение этой задачи работали все рычаги материального и морального стимулирования, такие инструменты, как прибыль, ценообразование, кредит, хозрасчет. Это и составляет суть нашей работы по рациональному использованию всей системы управления и планирования.

Вместе с тем мы включаем и другие резервы ускорения экономического развития. Ищем в виду укрепления дисциплины и порядка, повышение требовательности ко всем — от рабочего до министра, борьбу с безответственностью и бюрократизмом, воспитание трудовой этики, укрепление социальной справедливости во всей жизни общества.

Так что экономических проблем и дел у нас хватает, впрочем, а в какой стране их нет. Мы видим свои проблемы и уверены в возможности своего общественного строя, своей страны. В последние время мы пришлось побывать в разных районах, встречаясь с разными людьми — с рабочими и крестьянами, инженерами и учеными. И что характерно? Необходимость передела, необходимость решительно улучшить работу не только поддерживается народом, но и становится его требованием, настоящим велением времени.

Хочу подчеркнуть: внимание, которое мы уделяем в последнее время экономике, объясняется не тем, что мы собираемся бить рекорды по производству металла, нефти, цемента, стали или иной продукции. Главное — улучшить жизнь людей. У нас нет более высокой цели. Только в этом году принято решение о повышении оплаты труда ряда категорий работников здравоохранения, науки, инженерно-технического персонала, по улучшению материального положения значительной части пенсионеров, о бесплатном предоставлении ежегодно около миллиона земельных участков для развития садов, создания того, что мы называем «вторым домом». Планируются и многие другие шаги. Их размах будет, естественно, зависеть от успехов в экономике. В последнее время здесь заметны позитивные сдвиги — возросли темпы роста производства промышленной продукции, производительности труда.

Вы спрашиваете: какие изменения в мировой экономике могли бы принести пользу Советскому Союзу? Прежде всего, хотя это звучит парадоксальнее, чем экономика, прекращение гонимости вооружений. Мы бы предпочли тратить каждый рубль, который сегодня идет на оборону, на гражданские, мирные потребности. Да и вам, в Соединенных Штатах, как я понимаю, есть куда тратить деньги, призрачные сейчас производством оружия. И уже не говорю о проблемах, порождаемых бюджетным дефицитом и государственным долгом. Надо думать и о проблемах других стран. Наставшая на прекращении гонимости вооружений, мы исходим также из того, что аморально бросать сотни миллиардов на создание средств вооружения, когда сотни миллионов людей недоделано, лишены самого необходимого. Мы не просто не имеем права игнорировать сложившуюся ситуацию.

Что касается самой мировой экономики, то мы считаем, что на пользу Советскому Союзу, как, я думаю, и другим странам, пошли бы стабилизация общей экономической и валютно-финансовой обстановки, справедливые решения проблемы задолженности, продление к новому экономическому порядку. И, конечно, устранение дискриминационных ограничений, всех других препятствий для развития мировой торговли, дальнейшего углубления международного разделения труда, в котором мы и наши друзья и союзники собираемся играть более активную роль. От подобных перемен выиграли бы все народы нашей Земли. К примеру, налаживание широких торговых экономических отношений между Советским Союзом и США помогло бы создать в вашей стране не одну сотню тысяч дополнительных рабочих мест.

Вопрос. Советский Союз стремится получить больший доступ к современной технологии, разработкам в Соединенных Штатах. Насколько она нужна Советскому Союзу и, главным образом, для каких целей? Если Соединенные Штаты не обеспечат большого доступа к этой технологии, и кому вы намерены обратиться для ее получения?

Ответ. На размышление надводит сама форма вашего вопроса. Собственно, а кто не стремится получить доступ к современной технологии? Все, включая и США, даже прежде всего США. Я говорю не только о легальной покупке лицензий и новейших товаров или негидеально промышленном шпионаже. США практикуют и свои специфические методы. Например, «перехват ушей» — не только на Западной Европе, но и на развивающихся странах. Позвольте мне отметить, что транснациональные корпорации, приборостроители и другие через свои филиалы научно-технические достижения других стран. Теперь для той же цели пытаются использовать так называемую исследовательскую программу «звездных войн».

Что касается Советского Союза, то на достижениями зарубежной науки и техники пользуется в несравненно более скромных размерах. Хотя мы иногда не скрывали, что хотели бы расширить свое участие в международном разделении труда, развивать научно-техническое сотрудничество, тем более, что идем на этот «рынок» не как просители, не с пустыми руками.

Алгоритм версии о любви следующей СССР на деле американской технологии забывают, с кем сегодня имеют дело в лице нашей страны. Она уже давно стала великой научно-технической державой, зановая после революции технологическую самостоятельность. Это позволило нам выстоять во второй мировой войне, первыми выработать в космосе и развешивать в широких масштабах космические исследования, обеспечить надежную оборону, в целом успешно развивать производственные силы страны. Кстати, как понять такое сопротивление в американской аргументации? Когда обосновывают повышение военных ассигнований, в США всегда есть какой-то фантастический достижений СССР в технологии. Когда же хотят обосновать запретительные меры, нас изображают как дремучую, отстающую деревню, торговать с которой, а тем более сотрудничать, значило бы подрывать собственную «национальную безопасность». Где же здесь правда? Чему же верить?

Мы открыто говорим о нашей неудовлетворенности научно-техническим уровнем тех или других видов продукции. Но ускорения научно-технического прогресса мы рассчитываем добиться не за счет «перехвата технологий» из США в СССР, а за счет «перехвата» наиболее прогрессивных идей, открытий и нововведений из советской науки и сельское хозяйство, за счет более умелого использования своего собственного научно-технического потенциала. Здесь — центр тяжести наших планов и программ. Но при этом, разумеется, нам не хотелось бы отказываться от тех дополнительных выгод, которые достигаются на основе взаимности научно-технического сотрудничества с другими странами, включая и США.

Оно получило в 70-х годах довольно широкое развитие — в энергетике, включая ядерную, в химии и космических исследованиях, в радиологии и онкологии в других областях. Выгода была обоюдная — это знают и американские ученые. Сейчас сотрудничество сошло на нет. Мы об этом сожалеем, но заверяю вас — переживем. И потому, что сами имеем первоклассную науку. И потому, что у США на научно-технические достижения отнюдь нет монополии.

Понимаю, что США, кстати, оказывают растущий нажим на союзников, чтобы и не торговали с нами наукоемкой продукцией. Больше того, некоторые виды такой продукции США запрещают под предлогом все той же «национальной безопасности» вывозить и в Западную Европу, все чаще отказываясь от предоставления в доверие в свои лаборатории и на научные симпозиумы.

Этим, конечно, хотят нанести ущерб нам. Но не только. Нулев «советской угрозы» все шире используется и в конкурентной борьбе США с союзниками им странами, чтобы замедлить их научно-технический прогресс и поддерживать тем самым их конкурентные позиции на мировом рынке. Эти замыслы становятся все более очевидными. Но не думаю, что другие стороны смирятся с положением неравноправных партнеров, от которых техника будет брать, а страна отдавать на голодный папани.

Весь мир, конечно, будет сотрудничать в этой сфере на равноправной основе, от этого выиграют не только оба наших народа, но и весь мир.

Получая случаи, хотел бы передать читателям вашего журнала пожелания добрых свершений, счастья и мирного будущего. От имени советского руководства и советского народа хотел бы еще раз сказать всем американцам то самое важное, что они должны знать: из Советского Союза война не придет, мы ее никогда не начнем.

М. С. Горбачев. Хочу высказать несколько соображений, выходящих за пределы вашего интервью. Мы не считаем, что правильное понимание затронутых в тексте проблем.

Должен сказать, что за последнее время я получаю немало писем от выслушавших интервью со стороны средств массовой информации в различных странах. Почему было принято решение откликнуться на просьбу именно журнала «Тайм»?

Когда я ознакомился с публикуемыми от вас вопросами, мне показалось, что в формулировке самих этих вопросов содержится выражение определенной обеспокоенности в связи с характером складывающихся в настоящее время отношений между нашими двумя странами. Мы не часто слышим от представителей американских политических и иных кругов выражение тревоги по этому поводу. Я полагаю, что такой характер полученных вопросов (если я его понимаю правильно) — это очень важный элемент.

Есть и другая причина, не менее важная. Она связана с нашей оценкой обстановки, сложившейся сегодня в мире. Обстановка эта сложная, напряженная и, я бы даже сказал, — взрывоопасная. К тому же она имеет тенденцию еще более ухудшаться. Не буду говорить здесь о причинах этого процесса. Нашу точку зрения на этот счет вы хорошо знаете. Я хотел бы скорее ответить на вопрос о том, где мы все находимся в данное время, в каком мире живем. При этом я хотел бы по возможности драматизировать ситуацию. Но намерен быть с вами откровенным, ибо от ее оценки обоими сторонами многое зависит. Мы считаем, что когда речь идет о руководителе таких держав, как США и СССР, их анализ обстановки и их практическая политика должны быть проникнуты чувством огромной ответственности, которая лежит на них перед лицом собственных народов и всего человечества.

Реальность нашего времени состоит в том, что уровень развития науки и техники делает возможными возникновение совершенно новой ситуации, начало совершенно нового этапа гонимости вооружений. Я вытекаю откровенно отнять из наших вопросов и прошу не воспринимать мои ответы как очередную «прощальную» весть. Ведь это факт, что уже сейчас Соединенные Штаты и Советскому Союзу очень трудно договориться между собой, делать какие-то шаги навстречу друг другу. Настало время взаимного доверия. А если гонимости вооружений не будет в обозримом будущем, то в ряде случаев, если будут практические применены для этих целей самые последние достижения науки и техники, то не появится ли у одной из сторон искушение использовать предлагаемое превосходство над другой стороной для того, чтобы вырваться вперед и сделать ровной шаг? Очень ответственный этап.

При всей остроте наших двусторонних отношений действия все же продолжают оставаться в рамках военно-технического паритета, обеспечения обоим сторонам определенной доли безопасности. Договор о противоракетной обороне, практические соблюдения Договора ОСВ-2, Договор о нераспространении запрещенных ядерных испытаний в трех средах — все это, конечно, есть и оказывают свое воздействие. Хотя, как известно, уже под их воздействием, приведенные в действие силы, которые стремятся снять эти ограничения, мешающие дальнейшему развертыванию гонимости вооружений.

Если бы всех этих сдерживающих факторов не стало, то, конечно, соревнование в создании все новых и новых видов оружия развернулось бы с небывалой силой. Ведь на всякое шаг в этом плане одной стороны последовали бы контршаги другой, а по явлению два следуют противоядие. Такой урок истории, который нельзя игнорировать.

К чему же мы тогда идем? Я бы сказал так: время уходит, поезд может уйти, если не действовать достаточно быстро. Такой вот мотивировка, которую мы тогда приходим.

Все люди хотят жить, никто не хочет погибать. Поэтому надо избрать политическое мужество и остановить разветвляющийся грозный процесс. Надо прекратить гонимости вооружений, приступить к разоружению и одорозрению отношений.

Мне уже приходило говорить в беседе с посетившей СССР делегацией конгресса США в главе со спикером О'Нилом. Это — решительные сторонники одорозрения советско-американских отношений. Такова точка зрения нашего руководства. Из сложившейся обстановки мы делаем трезвые реалистические выводы. Беспорядочный факт состоит в том, что мы не только признаем к одорозрению обстановки, и улучшению отношений, но и выступаем с совершенно конкретными предложениями, а также сами предпринимаем практические шаги в этом направлении. Естественно, что мы рассчитываем при этом на соответствующий ответ американской стороны.

К сожалению, на все попытки вырваться из порочного круга гонимости вооружений и взаимной подозрительности мы слышим лишь негативный ответ: «Нет! Нет! Нет! Пропангада! Пропангада! Пропангада!» Правда же, серьезные попытки не ведут себя так с партнерами.

Тем не менее мы считаем, что все то, что нам пришлось предложить в Вашингтоне, по последним шагам Советского Союза, включая наши предложения, рассчитанные на то, чтобы сдвинуть с мертвой точки переговоры о демилитаризации космоса, по стратегическому ядерному оружию и оружию средней дальности, наше решение о прекращении ядерных взрывов и т. д., не менее важны, чем последние слова американской администрации. Мы надеемся на это.

Уважаемые господа, эту часть нашего разговора, когда мы беседуем здесь, я бы хотел еще раз повторить, и считаю наиболее важной. Мы надеемся, что наше понимание сложившейся в мире и в советско-американских отношениях ситуации, наше понимание того, как надо действовать в этой обстановке, будет принято и другими политиками до сведения американской общественности.

Наша страна просто не может позволить себе довести до конца переговоры. В этом — действительный интерес и советского, и американского народов. И это надо выразить на языке реальной политики. Необходимо остановить гонимости вооружений, ввести в нормальное русло советско-американские отношения. Честное слово, пора сделать эти отношения между двумя великими народами, достойными их исторической роли. Ведь от наших отношений действительно зависит судьба мира, судьбы мировой цивилизации. Мы готовы действовать в этом направлении.

Положение приобретает особую остроту еще потому, что, судя по поступающей к нам информации, политическая атмосфера в Вашингтоне нагнетается все больше с каждым днем. Раздаются высказывания, которые не могут не вызывать удивления и возмущения.

Белый дом и иные представители американской администрации дают понять, что ни о каких договоренностях с Советским Союзом об ограничении гонимости вооружений не может быть и речи. Самое большее, на что можно рассчитывать, заявляют они, это на знакомство руководителей обеих стран друг с другом и на выработку новостей для обсуждения на будущие годы и даже на десятилетия. В этом духе, например, было выдвинуто опубликованное пару дней назад интервью таких представителей администрации США, как Арманак и Тауэр. Словом, делается все, чтобы заранее отвести любую возможность договоренностей между США и СССР о прекращении гонимости вооружений и недопущении милитаризации космоса. В Вашингтоне заявляют с предельной откровенностью: что бы ни предпринял Советский Союз, США в любом случае будут создавать ударное космическое оружие и противоспутниковые системы. Вот уж поистине «завязать гонимости», свертывают шалаш, а потом хотят, чтобы кто-то вытаскивал их зубами!

Как тут быть? Надо оставаться при своем мнении. Это будет отвечать интересам и Советского Союза, и Соединенных Штатов Америки.

Сильно уже было в прошлом попыток поставить Советский Союз на колени, измотать его. Все это провалилось, все такие попытки будут провалиться и впредь.

Но если дело дойдет до качества нового этапа гонимости вооружений, о котором я говорю, решить такую задачу будет много труднее, если вообще это будет возможно. Вот почему мы признаем США серьезно договориться с нами и по стратегическому ядерному оружию, и по оружию средней дальности, и по проблемам космоса.

Ну вот, кажется, я сказал самое главное. Хочу теперь передать вам подписанный текст моих ответов на вопросы журнала «Тайм», — чтобы вас ничто не обманывало в том, что вы печатаете анонимные ответы (смех). Обратите внимание: обложка зеленого цвета, экспортная революция даже не пахнет! (Смех).

Г. Грюнвальд. Господин Генеральный секретарь, мы счастливы быть здесь и получить эти интервью. Мы очень рады, что вы столь щедро выделили нам время для того, чтобы передать свои мысли, связанные с этой проблемой. Мы тоже озабочены состоянием советско-американских отношений, — и не один мы.

Вы говорили здесь о некоторых людях в Вашингтоне, которые хотят подрывать отношения с Советским Союзом. Но президент Рейган неоднократно говорил о том, что он не питает вражды к Советскому Союзу, стремится к улучшению отношений с ним и не добивается военного превосходства над вашей страной. Принимает ли Вы эти заявления? А как вы видите взаимоотношения вообще с президентом Рейганом?

М. С. Горбачев. В определенной мере я уже упоминал об этом в письменных ответах. Мы обратили внимание на ряд позитивных высказываний президента в 1983, 1984 годах, в том числе в его речи в ООН. Мы отметили его высказывания о том, что ядерная война недопустима, что в ней победителей не будет. Это очень важно. Обратили мы внимание и на его слова о том, что США не стремятся к достижению военного превосходства над СССР. Эти и другие позитивные моменты в высказываниях президента дают, как нам кажется, возможность совместно взглянуть в будущее, преодолеть нынешнюю негативную полосу в наших отношениях. Мы считаем, что еще можно исправить многое, пойти навстречу друг другу. Поэтому мы и согласны на встречу с президентом в Женеве. Поэтому же мы так остро реагируем на то, что говорится сегодня в связи с этой встречей в Вашингтоне. Как выразилась одна американская журналистка, — американскую общественность хотят довести до такого состояния, что даже если бы и начался договориться только об обмене баллистическими трупами, то люди будут аплодировать.

Мы настроены серьезно и готовы серьезно предложить к этой встрече, — что бы ни говорили в окружении президента Рейгана правые и иные деятели. Если бы мы не верили в возможность позитивного исхода встречи, мы бы не пошли на нее. Такова наша позиция.

Вы спросили также о моем мнении лично о президенте. Я не встречался с ним, мне трудно высказать какое-то мнение о нем в человеческом плане. Но в политическом плане мы исходим из того, что президент избран американским народом, и которому наш народ относится с уважением, и мы готовы иметь с ним дело.

Г. Грюнвальд. Позвольте задать один вопрос, касающийся космических вооружений. И в своих письменных ответах на ваши вопросы, и в беседе с нами Вы сказали, что Советский Союз выступает за достижение соглашений в трех областях — стратегическом ядерном оружии, ядерном оружии средней дальности и космическом оружии. Однако, судя по комментариям, поступающим из Москвы, складывается впечатление, что вы не оставляете никакого простора для переговоров по проблеме космических вооружений, поскольку настаиваете на полном прекращении всякой гонимости вооружений. Вот я и хочу спросить — готов ли Советский Союз вести переговоры по вопросу о космическом оружии? Вы ведь сами, как известно, проводили и проводите обширные исследования в этой области и поэтому, очевидно, понимаете, что полностью прекратить эту деятельность на основе переговоров нельзя. Можно лишь договориться о каких-то согласованных уровнях или пределах.

М. С. Горбачев. Очень принципиальный вопрос. Не будет запрета на милитаризацию космического пространства, не будет предотвращения гонимости вооружений в космосе, — так и вообще ничего не будет. Это наша твердая позиция. И базируется она на нашей предельно ответственной оценке, учитывающей как наши интересы, так и интересы США. Мы готовы вести переговоры, но не о космическом оружии, но о том, какие именно виды этого оружия можно будет размещать в космосе, а о недопущении гонимости вооружений в космосе.

В Женеве Советский Союз предложил договориться о запрете создания, включая научно-исследовательские работы, испытаний и развертывания ударных космических вооружений. Необходимо, чтобы запрет охватывал все этапы зарождения этого нового класса вооружений. Ведь исследования — это часть программы создания космического оружия. И когда мы видим, что на эти исследования в США выделяются десятки миллиардов долларов, то нам совершенно ясно, в чем истинный замысел авторов этих программ, к чему ведет и вытекающая из этих программ политика в отношении размещения оружия в космосе.

Когда речь идет о научно-исследовательской деятельности и необходимости ее расширения, мы, конечно, имеем в виду не фундаментальные науки. Эти исследования идут и, очевидно, будут идти. В США речь идет о разработках, которые ведутся по заданиям, контрактам, военного ведомства, причем в том же этапе, когда обязательно должны появиться макеты, опытные образцы, когда должны осуществляться вне-лабораторные полевые отработки и испытания. Одним словом, когда осуществляется все то, что необходимо для проведения дальнейших работ по созданию и производству соответствующих систем. Когда США спрашивают нас, можно ли проконтролировать соответствующий запрет, мы отвечаем — да, можно. На том этапе, о котором я только что говорил, контроль с помощью национальных технических средств возможен. Если из космоса мы сейчас можем различить номера на автомобилях, то уж проследить за вне-лабораторными полевыми испытаниями мы, безусловно, сможем. Главное тут в том, что если уже на начальной стадии так называемых исследований прекратить этот процесс, то исчезнет всякий интерес к исследованию стадии разработки космического оружия. Кто же тогда будет выделять пустую средства?

Но с другой стороны, если на исследовательские работы будут выделяться десятки миллиардов долларов, то, конечно, никто не захочет останавливаться на полпути. А уж когда оружие будет выведено в космос, процесс станет вообще неконтролируемым, и мы ourselves, как я уже говорил, на этом этапе, последствия которого и предсказать невозможно.

При этом можете быть уверены, что другая сторона дремать не будет.

Рассуждения о чисто исследовательском характере ООН в основе своей предвзвешены для того, чтобы скрыть обширный процесс создания космических систем оружия. То, что сейчас США планируют испытать уже второе поколение противоспутниковых систем, чертвя серьезные проблемы, мы будем вынуждены реагировать на это адекватным образом. Ведь по сути дела речь идет об испытании некоторых элементов ПРО космического базирования. Да к тому же приходится учитывать негативное отношение Вашингтона к нашему предложению о присоединении США к объявленному нами мораторию на ядерные взрывы.

Правительство США отказывается от прекращения испытаний и потому, что они очень нужны для разработки ядерной системы ПРО. Но ведь это элементы будущей системы ПРО космического базирования. А что будет, если программа будет развернута в полном объеме? Пусть Америка серьезно подумает о последствиях этого.

Видимо, кто-то в США подумал, что появилась возможность обогнать нас, прокатать Советский Союз. Но это — иллюзия. Не удавалось это и в прошлом, и притом вполне адекватный, мы найдем. Но тогда будут похорошеют все переговоры, и не знаю, когда на них можно будет вернуться. Может быть, такая перспектива и устраивает военно-промышленный комплекс США, но мы во всяком случае на него работать не собираемся.

Наша предложения отвечают интересам и советского народа, и народа США. И это раз больше всего раздражает представителей военно-промышленного комплекса. А ведь их много в США, знают их и в правительстве, а мы, конечно, чувствуем. Но должен сказать, что у нас запас конструктивности огромный. Мы будем и дальше призывать правительство США избрать иной подход. Тогда

открылись бы большие возможности и в области стратегических ядерных вооружений, и средств средней дальности, был бы открыт путь для серьезного процесса улучшения отношений между двумя странами, решения других международных проблем.

Вспомню, что, когда и недавно был в Днепропетровске, один рабочий спросил: что это за «звездные войны», с которыми выступает президент Рейган? Не обманут ли нас США? Я ответил: не беспокойтесь, мы не дали себя обмануть. Но если наши партнеры по переговорам проявят готовность искать взаимоприемлемые решения, то и мы приложим к этому все наши усилия.

Думаю, что наша позиция гуманна и неограничена: она полностью отвечает интересам Советского Союза и США, да и всех других народов.

Неужели вам, американцам, деньги некуда девать? Мы знаем, что у вас есть свои проблемы, требующие решения. Может быть, мы знаем их хуже, чем свои собственные, но все-таки знаем.

Р. Кейв. Мне хотелось бы задать два вопроса. В Ваших словах я почувствовал озабоченность некоторыми событиями, связанными с дальнейшим развитием США на протяжении последних недель. Я имею в виду, в частности, объявление о предстоящем испытании противоспутниковой системы, а также весьма странную историю с химическим веществом, которым якобы посыпали американцев в Москве. Видно, эти два события не могут считаться связанными с точки зрения интенсивной подготовки к предстоящей советско-американской встрече на высшем уровне. Удавили ли Вас эти два события и нанесли ли они серьезный ущерб подготовке и встрече в верхах?

М. С. Горбачев. Что касается подготовки к встрече на высшем уровне в Женеве, то я могу заверить вас, что мы серьезно готовимся к ней, придаем этой встрече огромное значение и возлагаем на нее серьезные надежды. Приходится, правда, слышать заявления наших партнеров, свидетельствующие о том, что в Вашингтоне встрече придадут более скромное значение, характеризуют ее как всего лишь ознакомительную, рассчитанную лишь на то, чтобы разработать повестку дня для каких-то будущих отдаленных переговоров. Но ведь это слишком большая роскошь, чтобы руководители двух таких государств, как Советский Союз и США, ехали в Женеву только для того, чтобы познакомиться друг с другом, а потом любезничать Альпийском Швейцарским Альпами. Когда международная обстановка столь сильно накалена, это было бы невольной роскошью.

Одним словом, мы серьезно готовимся и встрече и будем делать все, чтобы она принесла ощутимые результаты в плане одорозрения отношений между Советским Союзом и США.

Р. Кейв. На этой неделе в одном журнале появилась статья бывшего президента США Р. Никсона. Он, в частности, пишет, что достигла соглашения об ограничении или сокращении вооружений без односторонней договоренности о взаимной сдержанности государств в своем политическом поведении не приведет к упрочению мира. Одним словом, Никсон, видимо, считает, что на первом месте стоят не проблемы контроля над вооружениями, а потенциальные очаж напряжения в отношениях между Советским Союзом и США. Как Вы к этому относитесь?

М. С. Горбачев. Мне было интересно ознакомиться с высказываниями Никсона. Что касается конкретных вопросов, которые мы будем обсуждать в Женеве с президентом Рейганом, то мы над этим работаем в контакте с государственным департаментом США и Белым домом. И я не хотел бы на данном этапе входить в детали.

Но с именем Никсона у меня возникает ассоциация другого порядка. В свое время, несмотря на сложную обстановку и пути к налаживанию сотрудничества с правительством США по главе с Р. Никсоном. И тогда были приняты очень важные решения.

Вспомните шестидесятые годы. Тогда международная обстановка тоже была напряженной. Но ведь был же заключен Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, действующий и поныне. Это относится к области истории, но история тогда хороша, когда из нее извлекаешь уроки. Вот и теперь надо извлечь уроки из ситуации с ответственными государственными позициями, найти подходы

к одорозрению обстановки, и выработать советско-американских отношений.

Г. Грюнвальд. Позвольте задать вопрос чисто личного порядка. Вы являетесь инициатором нового стиля руководства в Советском Союзе. Вы часто бываете на людях, встречаетесь с ними, одним словом, Вы держитесь на виду. Вам нравится такой стиль работы, и какую пользу он приносит?

М. С. Горбачев. Во-первых, такому стилю нас учил В. И. Ленин. Он постоянно говорил о необходимости жить в гуще масс, присутствовать и с ними, удалять их настроения и откликаться их чаяния в практической политике. Так что приоритет здесь принадлежит В. И. Ленину, а также людям раз в столетие появляющимся.

А во-вторых, для меня это не новая практика. Я так же вел себя и когда работал в Ставрополе, и здесь, в Москве, прежде чем был избран на свой нынешний пост. Да и многие у нас так работают. Может быть, теперь пресса придает больше гласности, шире освещает мои поездки и встречи с людьми.

В целом же у нас есть потребность именно в таком стиле работы. Перед нами стоят проблемы и довольно крупные. Их надо решать и решать по-новому. В течение последних лет мы проводили анализ нынешнего этапа нашего развития, и есть необходимость познать трудности, связанные с выводами, к которым мы пришли, проверить эти выводы на людях, а затем вынести их на предстоящий съезд нашей партии.

Так что вопрос не в том, нравится мне такой стиль или нет, а скорее в том, что иначе сейчас работать нельзя, если мы хотим добиться практических результатов в разрабатываемой нами политике.

Г. Грюнвальд. Еще один личный вопрос. Вы — инициатор весьма глубоких изменений в советском обществе. В ходе этого процесса произошла смена многих ответственных лиц. И, видимо, это будет продолжаться. Скажите, люди Вас боятся?

М. С. Горбачев. Думаю, что нет. То, что делается сейчас в нашей стране, задумано не мною одним. Это отражает общее мнение всего нашего руководства. Мы убеждены, что поступаем правильно. Проблемы эти назрели, и их надо решать. Самый главный вывод, к которому приходим в результате общения с людьми, это то, что наши предложения и практические шаги пользуются горячей поддержкой. Больше того, и в партии, и среди населения проявилось желание действовать еще более быстрыми темпами. Мы считаем, что надо проявлять смелость, решительность, во в то же время и осмортельность. Мы и дальше будем действовать в духе взаимной ответственности перед нашим народом. А люди от нас требуют проведения твердой политики, чтобы не было разрыва между словом и делом. Так что нас в этом смысле строго контролируют. А то, что мы сейчас делаем в обстановке большей гласности, еще больше раскрывает нашу деятельность. Так что речь не идет о том, чтобы люди боялись. Наоборот, наш подход им приветствуется.

Не хочу, однако, чтобы вы подумали, будто я пытаюсь все представлять в розовом цвете. В стране идет глубокий процесс, требующий большой перестройки от всех нас. Естественно, это затрагивает людей, кадры, затрагивает методы работы всех. А то, что происходит смена некоторых кадров, то это не значит, что у нас каналы чрезвычайной ситуации. Это естественный процесс. Плохо было тогда, когда этот процесс останавливался.

Так что дело тут не в том, что те или иные кадровые перестановки отражают какую-то политическую борьбу вокруг тех вопросов, которые мы сейчас решаем. Мы считаем, что перестраиваться надо всем и везде — и нам, и в республиках, и в областях, и в каждом трудовом коллективе. Конечно, это потребует от партии больших усилий. Но, поскольку влетая нами линия отражает настоящие потребности, она пользуется решительной поддержкой нашего народа. Это дает нам уверенность, что действуем мы верно.

В заключение хочу высказать одну мысль, которую можно считать главной для всей нашей беседы. Справедливо было сказано, что внешняя политика есть продолжение внутренней политики. Но это так, что прошу вас помнить. Мы выстраиваем для себя столь грандиозные планы внутреннего порядка, то в наших внешних условиях мы должны быть заинтересованы? Ответ оставлю за вами.

Г. Грюнвальд тепло поблагодарил М. С. Горбачева за прием и состоявшуюся беседу.

ГОРИЗОНТЫ МАЛОГО ЭКРАНА

В ОЖИДАНИИ СОБЕСЕДНИКА

У общения есть всего лишь одна форма — диалог. Монолог — это форман. Вот между этими двумя формами коммуникации мы и проводим границу, когда говорим о телевидении и о телеискусстве.

И я вслед за Ю. Богомоловым («СК», 31 августа) удивляюсь: как люди жили в дотелевизионную эру? Хотя отчетливо помню, как впервые увидел телевизор — он поразил. «Ах!» — вгляд ли воскликнул, просто состояние было такое — ахало внутри. На стеклинном прямо-

были зрелищнее многих телепортелей. (Старшее поколение помнит его передачи из Лондона: «Туман-туман, и-и-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е»). Он умел показывать при помощи слова, «Театр у микрофона» я слушаю с большим удовольствием, чем смотрю иные телепередачи — звуковые подделки под то, «как оно на самом деле». Не хочется думать, что суть этого жанра всего лишь в малообразной интерпретации классических мюз.

Да, размеры экрана задают специфику, но лишь техническую. А вот в чем содержательная особенность «видения на расстоянии»? Да и есть ли она, может ли вообще техника трансляции события влиять на содержание?

Вадим Сивинский не бежал по полю с микрофоном, помогая футболистам забить гол. Но он все же был там, он переживал, горел, радовался, неистовствовал, накалялся и остывал — он жил этим событием, жил в каждый миг. И каждый миг транслировался, а не выстреливал картинками. Можно ли себе представить, что Вадим Сивинский рассказывает микрофоном, от которого тянутся провода лишь и лыжку с магнитной проволокой?

А есть ли разница — вешать в эфир или на ленту? Да никакая, с точки зрения техники. Колоссальная — с точки зрения искусства общения. Когда диктор передает «Последние известия» или читает какое-либо сообщение, то мне не мешает, что эта передача по технологическим соображениям была записана заранее. Но если выступает актер, который хочет донести живое слово до зрителя, или поэт, читающий свои стихи, или художник, рассказывающий о своем восприятии мира. Или, наконец, репортер, ведущий передачу с места события, то дело меняется в корне. С железной (микрофоном) или стеклинной (объективом) общаться нельзя. При их помощи можно передать сообщение, говорить, вешать, демонстрировать события, но не общаться, не собеседовать, не вести разговор, не соучаствовать в событии. Первое — техника, второе — искусство.

Как-то мне повстречался разговоривать с выдающимся писателем Артуром Рубинштейном. Спросил его, играет ли он для себя.

— Пытаюсь. Но ни разу еще не удалось сыграть до конца. Начинаю играть и вдруг думаю, а вот это место я сейчас сыграю по-другому (и пауза)... начинаю работать! (Засмеялся). Знаете, и на концертах так. Играю и вдруг думаю: вот это место я сейчас сыграю иначе... (Пауза). Задумался. Энергично, со взмахом рук. Мне каждый раз нужна хоть капля свежей крови!

Вот эта «свежая капля» и есть искусство, а остальное техника.

Когда-то едва ли не самой любимой передачей был «Голубой огонек». Теперь он перестал нас согревать. А не потому ли, что теперь «Огонек» записывается на полтора-два месяца до выхода в эфир? Живое слово «нонсервирует», а потом пытаются выдать за свежесказанное. Получается нечто вроде кинохроника на малом экране, но не телепортелей с сиделом с интересными людьми, как бывало прежде.

Вести передачу «живьем» куда сложнее, чем с предварительной записью на ленту. В этом парадокс: вспомогательная техника, призванная помочь телезрителю увидеть то, что действительно нельзя, невозможно непосредственно наблюдать в момент события, стала основной и чуть ли не единственной. Теперь даже из телестудии нет прямых передач.

Киноэкран способен пережить зрителя в место события, телеэкран — еще и ввернуть события. В этом его специфика, и за это приращение качества я согласен простить потерю колорита — малый размер телевизора.

Но главное не в этом. Наблюдая за вышедшим телезрителем. Чаще всего это уже не аудитория, не малый зал, а почти индивидуальны просмотр, как говорится, тет-а-тет. И тот, кто смотрит, ведет себя не так, как раньше при коллективном просмотре: не смотрит завороченно на экран, а как бы разговаривает с ним. Обратите внимание, многие отвечают на привнесенные диктором или ведущим вопросы, адекватно с ним, делая в ответ «адекватный», «привет». Сидящие несерьезно такое замечать и тем более делать из них шалостей взрослых серьезные выводы? Ладно, пока согласен, но понаблюдаем дальше.

Реплики: «Это — верно, правда ваша!», «Ничего ты, как бы не так!», «Нет, вы послушайте, что он говорит!», «Ну, а как же быть?», да еще инстинктивно, приглашают в свидетели. Это уже не зритель. С киноэкраном не разговаривают. Это собеседник. Он разговаривает с тем, кто пришел к нему в дом. Просто невозможно не реагировать и не включаться в разговор с головой, которая смотрит на тебя в упор и которая в иные моменты даже больше головы слушающего (вот тебе и малый экран!). Но дело, разумеется, не в величине уст говорящего, а в том, как он говорит.

Было бы несправедливо утверждать, что телевидение не имеет, как это теперь принято говорить, обратной связи с объектом своего воздействия. Изучают почту зрителей, учитывают

(по мере возможности) их запросы в программах, отвечают на некоторые письма с экраном, даже пытаются (передача «Проблемы, поиски, решения») выходить на оперативную связь со зрителем в самый момент передачи, по вышедшему на экран номер телефона, за которым можно было, что называется «с ходу», задать вопрос выступающему. Но все это не то, что я имею в виду, говоря о диалоговой форме передач. Ведь и ответы на письма, даже на телефонные звонки в момент разговора все равно могут оставаться монологом — потоком информации в одну сторону.

Диалог — это всегда совместный поиск истины, это всегда столкновение двух мнений, это сомнение в собственной правоте, стремление услышать доводы другой стороны. Это диалектический подход в осмыслении сложных явлений действительности. Именно поэтому во всяком разговоре двух есть диалог по сути своей (если они говорят одно и то же, но разными словами). И вот почему выступление одного может быть диалогичным, если оно построено на диалектике истины, а не на выдаче уже кем-то полученного результата.

Поиск — это всегда процесс творческий, он захватывает любого, если это, конечно, истинный поиск. Вспоминается передача «Наука и жизнь»... ушла на бау? (где авторы вместе со зрителем пытались отыскать решение острой проблемы сокращения потерь сельхозпродукции), а если перед нами подделка под поиск (некоторые сюжеты «Знаюкова») то специфическое отношение и передача обесценивается.

Вовсе не считаю, что все передачи могут, а главное, должны быть построены по принципу диалога. Но думаю, что хотя бы некоторые должны быть такими. Если бы хоть раз в неделю телевизионный «Собеседник» приходил в дом и вел разговор на самые злободневные темы... И может быть, прежде всего экономические. Современное хозяйство — это механизм, затрясывающий всех участников производства, а не только его руководителей, специалистов и ученых, поскольку это совершенствование производственных отношений. Сколько опыта, достойного внимания и размышления — положительного и негативного. Уверен, что если такая передача будет предложена телезрителю, она ее примет не пассивными наблюдателями, а активными участниками собеседования. Слов нет, такую передачу вести трудно. Далеко не каждый способен вести диалог в миллионной аудитории, быть живым, острым, полемичным, глубоким и тактичным собеседником. Но это signals, что искусство набоксом-либо дела должно быть доступно каждому? Техникой овладевают все, искусством — природой отмеченные. Телевидение должно их искать, находить, но оставаться в постоянном поиске.

В. КРИВОШЕЕВ, кандидат экономических наук.

РЕКЛАМАЦИЯ

КТО ИСПОЛНИТЕЛИ?

В один из вечеров в отставшем до программы «Время 20 минут» зрителю предложили посмотреть концерт Оркестра русских народных инструментов под управлением народного артиста РСФСР Николая Некрасова. Небольшая программа на русской музыке отличалась редчайшей задушевностью, теплотой.

Видеоператоры с большим почтением отнеслись к исполнителю, показывая их крупными планами — и дирижера, и солистов — дуэтов, ударников, балалаечников, гуслистов. И как же хотелось узнать их имена! Кто они — эти талантливые и вдохновенные виртуозы? Разве нельзя в момент показа солиста бегущей строчкой или неподходящим титром назвать его имя?

Я. СТРЕЛЬЦОВ, заслуженный учитель школы КБАССР.

ПОЧЕМУ НЕ СМЕШНЫ ВЕЧЕРА СМЕХА

Известно, что даже самые хорошие передачи стареют. Почему это происходит, никто не знает. Или знает?

Я myself перебрал программу последнего вечера смеха (4 августа). Каждый из отдельных номеров был хорош! Отличная фокусная, преставленная тендевальная пародия, ошеломительная панорама современных песен, а чтение рассказа Зощенко артистом Филиппенко могло бы стать украшением любого эстрадного концерта. Да, все номера были на высоком уровне.

И все-таки — не смешно в целом. По-моему, дело в том, что сама форма передачи как-то застоялась. «Люб путешественников» и «В мире животных» никогда не разочаровывают, поскольку каждый выпуск несет новую, интересную информацию. В программе же «Вонюк смеха» нет ничего нового. А он необходим. Ведь поучительны, будничны и в армиях рассказывают анекдоты из одной и той же серии, на одной и той же тональности. И это уже не веселит.

М. ГОСТЕВ.

НРАВИТСЯ...

Прислушавшись к телевидению Третья симфония Чайковского и подумав: как хорошо, что существует на ТВ цикл «Все симфонии П. Чайковского». Эти 40-50 минут, что диктуются, а была погружена в царство музыки, которая способна вызвать чувство покоя и душевного подъема — замечательная.

Вступительное слово Е. Светланова в начале передачи помогло настроиться, подготовиться и воспринять музыку.

Б. ФОМИН.

...И НЕ НРАВИТСЯ

Недавно по телевидению демонстрировался кинофильм «Шанс». Когда-то, еще когда шла он на экранах кинотеатров, его достаточно местно и справедливо критиковали в прессе. Картина действительно пустая, малосюжетная. Задача же была поставлена в царство музыки, которая способна вызвать чувство покоя и душевного подъема — замечательная.

пос. ЧЕРТКОВО, Ростовская область.

А. КОЛЯДА.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Лучшая роль месяца

«Очень мало, что со страниц «Советской культуры» исшел конкурс телезрителей «Лучшая роль месяца». Так интересно было разбирать новые работы актеров, узнавать потом, совпало ли твоё мнение с мнением других. Заполнил и печатающийся на страницах «СК» победителей конкурса — А. Степанова и И. Гудерова, М. Ульяновым и Г. Буриным, Р. Мухомовым и Ю. Мухомовым. Мы больше узнавали о любимых актерах, о том, как они работают над той или иной ролью. Но несколько месяцев конкурс не проводится. Напрасно от него отказались?»

А. ПЯТИГОРКИЙ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы согласны с мнением читателей из Новоозовска, что читательская почта на рубрику «Лучшая роль месяца» была очень интересной, в ней встречались точные и острые оценки фильмов, отделанных актерских работ, немало из них стало достоянием газетной полемисы. С интересом встречали эти отклики и исполнители ролей. Затем был период, когда почта уменьшилась. Впрочем, тому есть объективные причины — меньше стало на телеэкране премьер, а значит, и актуальности ролей.

Что ж, давайте вместе возродим рубрику. Ее жизнь целиком зависит от читательской активности.

КАКАЯ РОЛЬ В ТЕЛЕПРЕМЬЕРАХ СЕНТЯБРЯ ПОКАЗАЛАСЬ ВАМ НАИБОЛЕЕ УДАЧНОЙ? ЧЕМ ПРИВЛЕКА ВАС ИЛИ ВЫБРАЛИТЕЛИ ВАМИ АКТЕРА ИЛИ АКТРИСЫ ТО ВЫЗВАЛО ОТЛИКИ В ДУШЕ И СЕРДЦЕ? КАКИЕ ВОПРОСЫ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ С ПОМОЩЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «СК» ЗАДАТЬ?

Итак, снова «Лучшая роль месяца». Начнем с сентября. Ждем читательских откликов.

РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

ЧЕМ ЧЕЛОВЕК ИНТЕРЕСЕН

Какими быть так популярным ныне телесериалам из цикла «Жизнь замечательных людей» — этот вопрос был поднят в письмах зрителей, опубликованных на страницах газеты 13 августа. Сегодня предлагаем вниманию читателей еще одно письмо с размышлениями о биографическом жанре.

Появление сразу двух биографических телефильмов о Павлове и Милухе-Маклае, конечно, не может не привлечь внимания. Штампы и стереотипы биографических фильмов конца 40-х годов надолго скомпрометировали жанр. Выдающиеся личности возникали в этих картинах, сверкая хроматинным глицером. Актеры, замурованные в портретный грим, боялись сделать лишнее движение, дабы не нарушить сходства с великими прототипами, и изыскивали исключительно цитаты из их произведений. Чем дальше сегодня кино от таких фильмов, тем, разумеется, лучше. Только вместе с жодой не выплеснуть бы ребенка.

Лента о Павлове по серьезности и глубине замысла, по художественным достоинствам явно «переплюгивает» фильм о Маклае. Картина сделана, однако, по общему принципу: научная деятельность героя сознательно вынесена за скобки. Никаких задумчивых взоров и попыток изобразить муки творчества. Что же, также решение позволить обйти многие важные моменты. Но не терпится ли при этом и многое другое, с чем, может быть, не стоит спешить расстаться?

Маяковский говорил о себе: я — поэт, этим и интересен. Почему же для кинематографистов великие ученые оказались менее всего интересными как ученые? Почему им не захотелось войти в лабораторию Павлова? В одной из рецензий было с удовлетворением отмечено, что создатели фильма о Павлове сознательно избежали имитации научных опытов. Но что значит «имитация»? Критика не смущает, что в картине «сминимировано» выступление Достоевского — это, напротив, нравятся. Мне тоже понравилось, как на экране воспроизведен знаменитый литературный вечер. По-настоящему и сны различного студентского быта. Но смотрю серию за серией, и все чаще приходит мысль: да неужели самым значительным в жизни Павлова было то, что он участвовал в студенческих вечеринках, читал Писарева, слышал Достоевского? Право, есть у него еще кое-какие заслуги перед человечеством. И Милухе-Маклае знаменит все-таки не тем, что обвел берег обессмертил его имя! Конечно, можно и так. Конечно, можно отказаться от «имитации опытов». Лишь бы

главное не упустить. Но я не могу придумать в жизни великого ученого ничто главное, чем подлинно-искусственное знание. Мудрая, чем подлинная задача художников — заставить зрителя предположить перед этим сложением, не показывая его. И надо ли так неуклюже, как это делают авторы обеих лент, разлучать своих героев с любимым делом? Чаще всего эта разлука выглядит насильственной.

Мне кажется, что биографическая лента (по крайней мере принцип она не строилась) должна содержать познавательный элемент. Нельзя же рассуждать так: наука, знания как таковые — это, мол, дело научно-популярного юрия, а художественный кинематограф (высокое искусство!) должен заниматься исключительно личностью великого человека. Как будто существует граница между личностью ученого и делом его жизни! Да и научная информация, если не понимать ее узко, часто не мешает, а служит целям искусства. Хотя бы один столетний опыт, снотый, разумеется, на социальном уровне, всегда представлял подорожную, прошедшего пять веков, у телевизора, когда шел фильм о Павлове, и еще три вечера, когда шел фильм о Маклае. Но допустим, что подорожник одолевает вечерами зрелища, далеко не остроумного. Захватит ли его пример жизни великих людей, увлечет ли дух научных исканий? Заинтересуют ли его просторы физиологии, этнографии, географии? Эти вопросы, сколь призрачны они бы ни казались, всегда представляли и биографический ленте, всегда идут за ней следом. Та же самая познавательность — врожденная черта жанра. Во что бы то ни стало перебарывать ее? А зачем? Ведь иногда создается такое впечатление, что сценаристы и режиссеры вначале всего разрушить старые каноны, не успев ничего предложить взамен.

Я за то, чтобы биографический кинематограф становился разнообразнее и богаче. Поддерживая его стремление изображать историческую личность во всей полноте и сложности нового, человеческого характера. Высоко ценю попытку авторов фильма «Иван Павлов. Поиск истины» дать портрет своего героя на широком фоне эпохи. Но если появится фильм, талантливо сделанный «в рамках жанра», у меня не будет претензий к его создателям.

Самой большой радостью в этой передаче, показанной и любяще (Трифонову только теперь исполнилось бы 60 лет), была для меня ее немеморизованность. Не было хроматинного глянца, так легко ложающегося на лицо еще недавно столь спорного автора. Не было юбасчатых придирижаний в выступлениях друзей и товарищей Юрия Валентиновича. Да это и не выступления — это продолжение разговора с тем, кого уже нет, но кто остался жить не только в памяти, но и на экране, не перестав быть спорным.

Есть и еще «собоеседники» — это Москва и Серебряный бор, это компания, заполненная интонами и житейскими пустяками — материальными следами прошлой жизни, по которым нетерпеливо, давая нам их разгадать, путешествует камера. Кабинет писателя — это ведь не только «интерьер», в котором он жил. Это пространство, где он осуществлял со своими героями.

И. КАРПОВА, библиограф.

МОСКВА.

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

На спектакль «Новоселье»

ЗА...

...И ПРОТИВ

Телеспектакль «Новоселье» привлек внимание по разным причинам. Во-первых, наша семья недавно получила новую квартиру, испытала на себе радости и огорчения. В фильме многие негативные явления, связанные с существующим порядком гражданского строительства, не только обозначены, выведены из-под коврика, но и определены точно и бескомпромиссно. И в этой связи, конечно, обратило на себя внимание имя автора спектакля. Аркадий Ваксберг всегда пишет о ситуациях, требующих внимательного и непредвзятого рассмотрения. Наверное, и замысел этого сценария возник после командировки по письмам читателей газеты. Этот телеспектакль, несмотря на некоторые недостатки, волнует с первых моментов. Уверенно вызвало отклик и побудило пристально взглянуть в то, что происходит рядом.

М. КОЛОДИЦКАЯ, библиотечник.

Когда узнала, что автор телеспектакля «Новоселье» А. Ваксберг, сразу решила посмотреть, поскольку всегда с удовольствием читаю его острые судебные очерки. Однако спектакль меня разочаровал. Я не профессиональная в области искусства, мне трудно разобраться, в чем тут дело. Но то, что казалось убедительным на газетной полосе, выглядело довольно бедно на экране. Герои показались мне схематичными. Особенно большое недоумение вызвал корреспондент Манин. Непонятно, что он за человек, за что борется, что для него главное: написать зловонную статью или помочь реальным людям, реальную делу. По-моему, для того чтобы такие «экзотизированные» судебные очерки имели то же воздействие, что и газетные статьи, образ журналиста должен быть особенно убедительным, покороче, привлекательным. На экране хочется увидеть настоящую личность — человека принципиального, интересного.

Т. АЛЕКСАНДРОВА.

ВЕСТИ СО СТУДИЙ

Николай Караченцов:

Один за всех

Мечтал по дорогам всадники в широкомполых ковбойках. Одного из них вы бы сразу узнали. Это был Николай Караченцов, снимающийся в новой ленте Ленинградского телевидения «Один за всех».

— Наша работа, — рассказывает режиссер-постановщик Олег Ребконов, — фильм-концерт, экзотичная музыкальная комедия. Вместо привычной речи персонажей — язык музыки, жесты, пластички.

Известный московский актер Николай Караченцов исполнил в картине сразу две роли: популярный «звезда» и дублера.

Главную женскую роль исполнила Ирина Селенева, молодая актриса АБТ имени Горького.

В. КОПЫТКОВСКИЙ.

● Сцена из фильма. ● В главной роли Н. Караченцов. Фото В. Копытковского.

Ирина Селенева

Первое впечатление

Без юбилейного глянца

Когда я смотрела по телевизору передачу о Юрии Трифонове — «Страницы творчества», думала, какое счастье, что его удалось вернуть к жизни, еще не канонизированного смертью, живого!

Самой большой радостью в этой передаче, показанной и любяще (Трифонову только теперь исполнилось бы 60 лет), была для меня ее немеморизованность. Не было хроматинного глянца, так легко ложающегося на лицо еще недавно столь спорного автора. Не было юбасчатых придирижаний в выступлениях друзей и товарищей Юрия Валентиновича. Да это и не выступления — это продолжение разговора с тем, кого уже нет, но кто остался жить не только в памяти, но и на экране, не перестав быть спорным.

Есть и еще «собоеседники» — это Москва и Серебряный бор, это компания, заполненная интонами и житейскими пустяками — материальными следами прошлой жизни, по которым нетерпеливо, давая нам их разгадать, путешествует камера. Кабинет писателя — это ведь не только «интерьер», в котором он жил. Это пространство, где он осуществлял со своими героями.

Все это надо поставить в заслугу режиссеру передаче И. Миславичу так же, как всей съёмочной группе, которая с ним работала. Режиссер не смирился с обычной моделью юбилейного фильма, где в строгий порядке следуют удачные записи, похвальные слова, отрывки. Он поставил себе и группе гораздо более трудную задачу: смонтировать картину как живой обмен мнениями между Трифоновым и теми, кто его знал, печтал или о нем писал. Как будто бы в этот диалог еще не успела вмешаться смерть, которая «осуществляет» заключительный монтаж нашей жизни, по словам Пьера Павло Пазоллини.

Понадобилось не только искусство, но и любовь, чтобы осуществить этот как бы не заключительный, текущий монтаж, пронизав его личной московской жизнью, которая была любимым «гегемом» Трифонова.

Все документальные съемки Трифонова относятся к последнему его году: 1977, 1978, 1979. И однако он заметно меняется не только внешне: отказывается от поделочного тона в пользу тона более размышленного, что ли. Может быть, так кажется оттого, что в первый записи он разговаривает со

слушателями литературного семинара «Зеленая лампа», а в последней — с камерой, то есть с нами. Но эта внешняя флегма не делает его примитивным в суждениях о литературе. Они как были в его по- vestях, так и остаются субъективными, личными.

Мало что из наших прозаиков проделало такую заметную параболу в отношении со своим материалом, как Трифонов, — от ранних, вслепые обласканных «Студен- тов» до поздних и вечных «Вечных вопросов».

Автор, выполнивший в отлученный ему срок свои обязанности перед читателем (хотя сколько еще мог бы сказать), выступает перед зрителем с защитой своего права быть разным: как бы трем Трифоновым: один сочинил «Студентов», другой — «Московские новости», третий писал о спорте. Он обновляет право художника быть не равным себе, меняясь вместе с временем, суждение категорическое, спорное, в пределах данной судьбы, может быть, понадеявшись, неслел само по себе. Но в том и смелость Трифонова, что он позволяет себе не отступать от лица и имени в этом «быть разным, живым, только». Иным, и только до конца».

Столь же неуступчиво его противостояние с теми, кто утешительно для себя отключал его персонажа с некими «мешанинами» — с кем-то посторонним себе. Трифонов имеет мужество называть их черты из беспощадного самонализа — личностного и социального, — и именно это позволяет ему сопрягать времена не только на уровне темы, исторической и современной, но и на уровне понимания современности как отрезка истории. Он обновляет себя как писателя исторического не по форме, а по существу. Надо сказать, что у Трифонова в передаче хорошие собеседники, но подлинно- новые мысли, иногда разноречивые или дополняющие ее. Их голоса перебивают его. Их форма передачи диалогична, и это диалог о творчестве. Трифонов — собеседник. Один, как Н. Ильина и Е. Мандель, был его личным другом; другие, как С. Баруздин, — его издателями (интересно, что будущий прозаик и будущий редактор журнала «Дружба народов» знакомы с детским литературным кружком). Третьи — как поэты А. Меандров и А. Вознесенский — его современники в другом ро-

де литературы и в разных поколениях, четвертые, как И. Дедюков, — его критики еще при жизни. И, наконец, Ч. Алтманов, который начал диалог, — коллега, задающий общий масштаб разговора.

Перед нами стояла непростая задача: каждый говорит с Трифоновым и одновременно о Трифонове; говорит со зрителем от себя. Надо отдать им справедливость. Никто не говорит о себе по поводу Трифонова, как это нередко случается в мемориальных очерках. Может быть, потому, что личность писателя еще не отошла в область литературных преданий. Она по-прежнему захватывает, будоражит, заставляет думать и говорить о главном: о противоречии и единстве творческой судьбы, о истории и современности, о писательской совести, о читательской мудрости.

С Юрием Валентиновичем Трифоновым хочется разговаривать. И так странно, что этого сегодняшнего собеседника на телеэкране уже нет на свете и никогда не будет. И смерть осуществила заключительный монтаж его жизни, оставив нас наедине с его языком.

Маяя ТУРОВСКАЯ.

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Тот старый московский двор

ВОПНА в сороч пятом году закончилась далеко не для всех. Как много людей настаивала она позже, да и сейчас настаивает адолещущим отголоскам у каждого свое болит. Одни никак не оправятся от ран, другой несет муку в душе, которую ничем не изжить.

Война порушила жизни и поколебала судьбы. Вот это, может быть, самое страшное. Огромное духовное здоровье надо иметь, чтобы начать все заново покаявшемуся, пережившему много смертей человеку. Говорят, кто спомался, того не выпрыскашь. Наверное, так. Надрываются, как и подраываются, всего лишь раи.

Герой повести Анатолия Манарова «Человек с аккордеоном», по которой снял фильм режиссер Николай Досталь (автор сценария А. Бородинский, «Мосфильм»), не спомался на войну, хотя, надо полагать, повидал многое и пережил такое, что далеко не каждому по силам. Русский человек живуч, запас терпения у него велик, это война еще раз подтвердила. Дмитрию Громцеву, так зовут человека с аккордеоном, из пушки в грудь паланили, да не убили.

Война все у него отняла, чем жила человек и любовь, и признание, вычистила, кажется, до дощика. И надежд не оставила.

Все пройдет, утешали древние, потому что все проходит. Но откуда все же браилось у Димы Громцева и многих других, подобных ему, спойное мужество преодолевать обстоятельства, не сгорев под унылой пошлой воспоминаний, не очерстветь сердцем, не обозлиться?

На войне много дело. На войне человек редко оставался один. А на миру и смерть красна. Да, там было страшно и тяжело, каждый новый день грозил стать последним, но одиноким человек не был. Хотя бы потому, что каждому было понятно, что происходит, множество людей переживали один и те же лишения, стремились к одной и той же цели, которая тоже была всем ясна. Одолеть лютую врагу, вот накова была цель. И хорошо бы при этом выжить. Ну это уж как кому повезет. Взаимное сочувствие согрело души. И чувство сострадания

было чаще знакомо людям на войне, чем ныне — в мире, иногда даже счастливые дни. А потом...

Потом Дима Громцев остался наедине со своей безнадельной болью и малотой и впервые, может быть, изведая, что значит истинное одиночество, когда ни мать, ни друг тебе не помогут и тебе не помогут.

Валерий Золотухин играет негромкого, спокойного человека, задумчивого, сосредоточенного на своей тайне. Тайна эта — музыка, живущая в нем, как дышащий Аккордеон здесь, разумеется, почти символ, реальное воплощение мечты, пусть частичное. В нем упование на лучшую долю.

Золотухин, видимо, задумал провести свою роль сплошь на полнотонах, на приглушенных акцентах, на подтексте. И тут, на мой субъективный взгляд, допустил промах. Приглушенных акцентов в фильме предостаточно, зато характер главного героя Димы Громцева оказался размытым в тумане недосказанностей. Яркого характера в фильме нет, есть много на него намеков. По намекам мы можем о чем-то догадываться, но в силу собственного нравственного чутья, в толстом разобравшись трудно даже в простейших сюжетных коллизиях.

Зачем в самом деле «дядя Митя» пошел учиться на банковского служащего? Это оригинально, да? Но зачем? Если это бегство, то от чего и куда? Есть у Воллера замечательная строка — «иди, печаль свою сопровождай». Это и про дядю Митю тоже. Но от той небывалой печали не спасаются обыкновенно за конторской стойкой. Тем более что Громцев, отчасти склонный к идиллической созерцательности, — воин, он храбро воевал и умеет, если надо, «не рвать са роином». Мы это видели в первой сцене с дворовым хулиганом. Допустим, он умудрится и впрямь сердцем, и мудрость подсказала ему необычный способ избежать полного душевного опустошения. Он так и объяснил свое желание учиться банковскому делу добротному экзаменатору. Он-то объясняет, да как трудно поперти.

А вот любовь. Это уже намного серьезнее, с

Заметки о фильме «Человек с аккордеоном»

самого начала ясно, что прелестная девушка Леля Ган (И. Алферова) вряд ли может понастоящему полюбить столь заурядного парня, каким предстает Дима Громцев, даром что он собирается подвизаться в оперетте. Ну а он-то разве любит ее? Или его чувство и все же только лишь обманный призраком мечты, как и страстное желание воплотить себя в музыке?

ВПРОЧЕМ, возможно, так и задумывалось авторами фильма, что зрителю некоторое время следует побыть в недоумении. Я это серьезно говорю, без всякой иронии. Мы уже привыкли видеть, как наши литературные и кинорежиссерские герои, с насюку, ко множеством аффектаций, доставая окружающим массу жалост, Вот, мол, и благородный человек, а так страдаю, вы же, бездумные, прекрасно живущие, хоть бы кто руку помощи протянул незнакомцу. И бездумные, как правило, приходят к себе, очеловечиваясь, протягивают руку, герой на полной скорости выходит

из трагедийного клича, просветленный и одухотворенный, зачастую попутно сокрушив двести чужие судьбы, но большей части женские. Это давно надоело, потому что тут правды нет ни житейской, ни художественной.

Дмитрий Громцев, деликатнейший дядя Митя, ни у кого ничего не просит и никому не дает жалост. Невогнута гордость и достоинство, как и безукоризненная сердечная доброта, — вот доминанты его натуры.

Сколько смысла на его долю — несет. В некотором смысле он — богатырь духа. Он застал на диванчике, руки на коленях сложенные, как у мальчика-отличника, и ждет, когда известный гомопап (Е. Евстигнеев) позовет его сыграть для гостей. Гости собрались на свадьбу, а невеста — бывшая возлюбленная Дмитрия, нежная и озорная Леля, слезы которой он пытался вытереть и которую сейчас впервые встретил. Во всей фигуре его, в мгновенно постаревшем лице, в позе — несчастье. Но это мимолетная слабость. Он ее никому не покажет. Наконец они разговаривают наедине. Опять Громцев — Золотухин удивительно спокоен, как может быть спокоен или человек, обладающий чудовищной силой воли, или действительно равнодушный, охладивший сердцем давно. Когда Леля, поинтересуясь везением попрыгу, предлагает ему остаться с ним, он мгновенно, не задумываясь, отказывается, понимая, что только жалость и ностальгия по прошлому заставляют ее принести эту жертву. Да, это логично, это в его характере, но слова нарочитая недосказанность не позволяет нам, как зрителю, искренне и полно сопереживать.

Теперь — о главном. Думаю, что если и есть в фильме недостатки и просчеты, то они с лихвой окупаются, как бы это выразиться, общим, что ли, цельным художественным состоянием картины. Она полна светлой грусти по невозвратному времени. Это настроение точно передано режиссером из своеобразностью и силой прозы Анатолия Манарова. Москва тогда была иной. Мое собственное посленое детство прошло на Запечье, в таких же дворах, как в этом кино. Кто помнит, тот поймет, о чем речь. Ты выходи из двора к двору, как за оно-

лицу. Двор был большой деревней, где все знали друг друга и были между собой в самых различных, порой чрезвычайно запутанных отношениях. Соседний двор был другой деревней, часто аркадной, но всегда манящей, там непременно стоило побывать хоть у одной из девочек, потому что Москва и провалилась большой деревней, но подорожала, что у ней великое множество деревень и сел, объединенных общими, ни на что не похожим микроклиматом. Тогда ненавидели открыто и любили без обмана, не притворяясь за надежными стенами отдельных квартир.

Захотел бы и вернуться туда? Вообщем — вряд ли. Но истинным и добрым воспоминанием и в помяне там, как и сотни тысяч москвичей. Ведь что то бесценное утрачено, а мы и не заметили, как и что.

И вот тот вечный город воин на окраине со всеми своими искусственными подробностями, с музыкой и плясками. Поселенная Москва, как бы приходящая в себя после долгого, смутного сна и уже начинающая строить грандиозные планы, которые многим тогда казались замками на песке. Тут уж не до критических размышлений, если чувствуешь, как сладким и горьким спазмом сдавило сердце. Такое уже бывало в фильме «Москва слезам не верит» и в некоторых других картинах. И каждый раз заново поразилась целостности человеческой, даже опорожденной, памяти и светлостью, непобедимому желанию постоянно оглядываться на прошлое, возвращать его себе хотя бы силой искусства. Слово существует какой-то неписаный закон, по которому нам невозможно сделать ни шага вперед, коли мы даже ненадолго оборвали ниточку связи с прошлым.

Понимаю, у этого фильма найдется недоброе будущее, и мне и самому в нем не все по душе, но будет у него и горькие поклонники. «Человек с аккордеоном» не развешивает и не поучает, он учит добру и стойкости. Если это пусть в малой степени удалось, то это же можно назвать творческой удачей.

Анатолий АФАНАСЬЕВ.

Копр из фильма.

НАШИ ГОСТИ

Молодая Польша

В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открывается выставка живописи и графики художников «Молоды Польской» («Молодой Польши»), организованная Национальным музеем в Кракове.

Выставка знаменит с малозвестным в нашей стране польским изобразительным искусством рубежа XIX—XX веков. Творчество художников «Молоды Польской», являвшееся традицией национального романтизма, было важной составляющей этого художественного процесса, ярким и характерным явлением своего времени. Средоточием интеллектуальной жизни, своеобразным местом памятникства художников и писателей стал Краков.

Понятие «Молоды Польская» объединяет очень неоднородные явления художественной культуры 1890—1910-х годов. В рамках одного направления существовали произведения, проникнутые идеями философского пессимизма, мистицизма и символизма, и произведения высокого социального пафоса, сатира на иракзы, обращение к традициям национального фольклора и народного изобразительного искусства. При всем разнообразии индивидуальных творческих устремлений представители молодого поколения видели свою общую цель в том, чтобы возродить самобытную культуру Польши.

С направлением «Молоды Польской» были связаны многие известные художники. Все их объединял интерес к национальным корням культуры. Стилистическая общность искусства «Молоды

Польской» сказывалась в пристрастии к декоративности и орнаментальности.

Тенденция символизма проявилась в многозначительно условных мифологических фантазиях Я. Малевского, в портретах современников, в работах Ю. Панкванча и Х. Шенглинского, в исторических композициях С. Высланского, в эпических панорамах природы Ф. Рушца.

Особое направление внутри «Молоды Польской» составляла группа художников и литераторов, обратившихся к народной традиции, к тематике фольклора, жизни, деревни, к изображению национального пейзажа. К этой линии принадлежало творчество известного пейзажиста Я. Станиславского, создавшего целую школу своих последователей в Краковской академии названных искусства. Жанрово-фольклорная живопись, вдохновляющаяся своеобразными народными обычаями и красочными костюмами, представлена была творчеством Т. Агостиняча, В. Тетмайера, Ф. Пауша.

Важную часть художественного творчества «Молоды Польской» составляла печатная графика. Выставка представляет большой эстетический и исторический интерес. Она обогащает наши знания о художественной культуре Польши, дает широкую панораму изобразительного искусства одного из плодотворных периодов его развития.

Е. ГОРДОН,
кандидат искусствоведения, научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

ПОВОД ДЛЯ РАЗДУМЬЯ

Театр, которого пока нет!

Арбат! Один из старинных уголков Москвы, часть нашей истории и культуры. С какими великими именами он связан! Мне кажется, что именно по этим переулкам шла в 1910 году Марина Цветаева, отправившись во II студии МХТ талантливой ученицей Вахтанговой Софьи Голдлей. А немного позже в Вахтанговскую студию поступал красивый молодой человек. Что то читал. Не поворачиваясь. Дождался Евгения Батраговича, кинулся к нему и с таким отчаянием спросил, что же теперь делать, что вскоре был зачислен студентом I-го курса. Впоследствии этот юноша, В. Яхонтов, создаст свой уникальный театр — театр «лого актёра».

Как это? Один человек играет голговетскую «Шиллу», «Модарта и Сальера», «Братев Карамазовых» — у него ничего нет, кроме голоса, глас, рук, минимального оформления, музыки — остальное возникает в воображении зрителя, притче с такой силой, так ярко и красочно, что публика тогда, в 30-е годы, буквально валом валит на Яхонтова.

Итак, сегодня речь пойдет о театре одного актёра, основанном В. Яхонтовым. — о театре, которое, на мой взгляд, требует пристального внимания к себе и делового подкрепления. Предлагаю некое пофантазировать. Представим себе, что идем по старому Арбату, конец реставрации которого уже близок, и на одном из обочинных, а может быть, на бывшем маленьком кинотеатре «Знание» читаем новую вывеску: «Театр им. В. Яхонтова». Театр малых форм, где идут спектакли одного, двух актёров, — своеобразная лаборатория. Здесь могут проходить и встречи с писателями, поэтами, актёрами.

Тем более, что уже существует ряд творческих работ, которые вполне «вписываются» в пределы подобного театра. Нужно только их объединить в одно место, чтобы направление, объединяющее когда-то В. Яхонтов, получило конкретное продолжение и развитие. Вспомним В. Репетера, который буквально ввел Москву своим «Гамлетом». Александр Калалов, тогда еще мало кому известный актёр Театра им. М. Н. Ермоловых, полагая на эстраде с моноспектаклем «Занесен сумасшедшего» сразу обратил на себя внимание. Хорошо помню, сколько споров и суждений вызвал моно-

спектакль в исполнении Александра Филиппенко «Сергей Есенин». Вспомним и Бориса Попова в спектакле «До третьих ветушек» по В. Шукшину, Г. Сорочкина с «Аэропортом» А. Хейли. Репертуар, как видите, разнообразный, исполнителю много, всех не назовешь.

Недавно мне пришлось побывать в Чехословакии, и я узнала, что там театр одного актёра хорошо известен. Уже в третий раз проводится в городе Подебради Международный фестиваль моноспектаклей, в котором участвуют артисты социалистических стран. Советский Союз представляла на этом фестивале актриса Московского драматического театра на Малой Бронной Антонина Дмитриева. Подобный фестиваль уже много лет проводится и в Югославии.

В этом своеобразном творчестве существуют как бы два направления, очень близко лежащие друг от друга, но все же, по существу дела, разные. Первое — собственно театр одного актёра, построенный по законам театра со всеми его атрибутами (декорации, музыка, костюмы) и с чисто театральным, «игровым» манерой исполнения. Второе — художественное чтение. Очень точно, по-моему, определила грань между ними Ираида Андронков в предисловии к книге В. Яхонтова «Театр одного актёра»: «О событиях и людях можно рассказывать. Это искусство художественного чтения. Их можно играть. Это искусство театра. Но можно рассказывать, играть. Это особый, синтетический жанр, вклинившийся между театром и литературой». По какой из этих дорог идти тому или иному исполнителю, пусть подсказывает его творческая индивидуальность. И все же на сегодняшний день искусство чтение переживает определенный спад, не вызывает большого зрительского интереса. Напротив, к театру одного актёра интерес возрастает. Конечно, у этого жанра есть свои сложности, прежде всего чисто организационные: а спектакле могут побояться депозиты, световое и звуковое оформление, костюмы.

Пока все это только мечта. Но я думаю, что мечта вполне осуществима.

А. АЗАРИНА,
артистка Московского театра, лауреат Московского конкурса артистов эстрады.

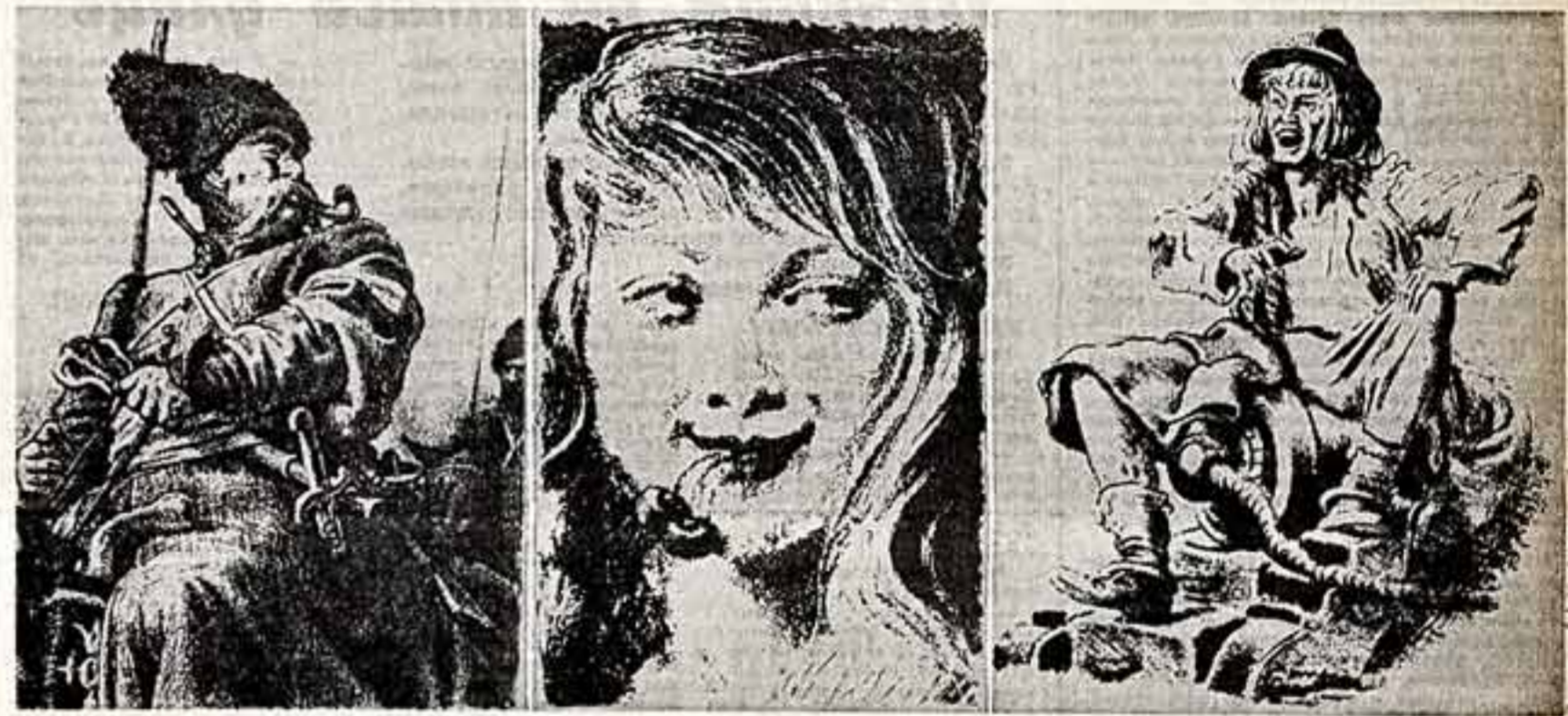
Цветы Шукшину

Новая традиция родилась на Шукшинских чтениях — конкурс на лучший букет цветов в память о выдающемся земляке жителе села Стростки. Десятки композиций состави-

лит майков Е. Дочуновой. Она получила название «Сердце матери». Большой букет, состоявшийся из самых лучших цветов, росточки возложили на могилу матери Василия Шукшина.

В. ЯВИНСКИЙ,
Алтайский край.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

ЗРИМОЕ СЛОВО

ЧИТАЯ КНИГУ ЕВГЕНИЯ КИБРИКА «РАБОТА И МЫСЛИ ХУДОЖНИКА»

Помню, когда читал книгу нестеровских воспоминаний, все время ловил себя на мысли: «Неужели это первая, а может, единственная книга, оставленная выдающимся мастером?» Поражали образный строй книги, объемность всего, к чему приносился художник, зримость книги — все слезы, которыми она одаряла, можно объять глазами. Ну хотя бы последнюю встречу автора с Крамским, сказанным тихим, негромким, прихотом в дом большого художника. Смысл нестеровского пассажа: «Вот это темное, неподвижное, принахлеще к углу и было Крамским». Прочел книгу Нестерова едва ли не три десятилетия назад, а к нему забыть заключенной в этой строке силы наглядного видения. Читал книги старых мастеров кисти и наших современников, стараясь постичь эту тайну зримости слова, его способности вливать в наше воображение зелень, выветренную солнцем и погруженную в тень, бесск обаяние, посредств знобного неба и лязговую глущь озерной воды в октябрьское ненастье. В метаморфозы, происшедшие с художником, еще надо проинтуит. Будто он забылся и на какой-то момент воли в руки не перо, а кисть, не поустышавшись решимостью сообщить нам виденное, если даже оно лежало на холст, а на страничках рукописи.

Полагаю, что все сказанное справедливо обратил к книге Евгения Адольфовича Кибрика. Название книги — «Работа и мысли художника» точно передает ее суть.

Мысль художника обращена к глубинам мастерства. Случилось так, что наши отношения, возникшие на предельно шестидесятилет, восприняли почти через два десятилетия, как раз в пору, когда Кибрик работал над своей книгой. Помню этот письменный стол, парь-стол, многоуровневый, с непогладкой столешницей, снабженный целым миром досок и линеек, и Кибрика в рабочей блузе с затанцованными рукавами. От одной встречи к другой росла стопка страниц, заполненных крупным скорописью. Встреча неизменно завершалась чтением новой главы. В чтении Кибрика были темп и интонация разговорной речи. В рукописи была свойственная Кибрику суровость, этот текст нельзя было читать иначе.

Помню, какой страстью была охвачена реплика Кибрика, обращенная к мысли, хочу полагать, своеобразная, — и говорю о попытке Евгения Адольфовича сопоставить постижение проблем композиции с законами диалектики. В мысли, высказанной Кибриком, были свойственные художнику острота восприятия и новизна — статья художника о композиции напечатала журнал «Вопросы философии». Кибрик, как признавал он мне тогда, полагал, что за статьей последует полемика — ему возражат, по крайней мере философы. Но последовало молчание. «Оно продолжалось до сих пор», — сказала тогда Кибрик, немало смущаясь.

Мне представляется самым ценным в книге мастера все, что читатель почерпнет о его творческом методе, своа точных и в высшей степени жестких наблюдений, характеризующих работу Кибрика над образом. Думаю, что не преувеличу, если скажу, что весь труд художника реализуется в изобразительном искусстве ту самую грандиозную, начало которой положила в театре, и не только в театре, Станислав-

ский, — идея перевоплощения пришла в лице Кибрика своего верного и оригинального продолжателя.

Имя Кибрика у нас отождествляется с его работами к роллановскому «Колла» — своеобразной эмблемой художника, его гербом стал рисунок Ласочни. Постигание мира роллановских героев, никогда не виданных Кибриком, как известно, изумило и автора «Колла» — очевидно, сработал великий дар Кибрика перенести сердце и мысль в атмосферу книги, истинно перевоплотиться. Можно было понять Роллана, которого, не иду иных слов, ошеломила рукой художника талантливостью и интересом, точностью видения. Письма Роллана Кибрику, предисловие писателя, озаглавленное знаменитым «Колла приветствует Кибрика», своеобразно сообщали этой работе ускорение, какого не удавалось достичь произведением художника. Это не преувеличение — великий писатель был точен в своем восприятии и своих оценках.

Если же говорить о том, в каких работах кибрикское постижение человека достигло своего наиболее убедительного выражения, то предпочтению, как мне кажется, надо отдать книгу — «Борис Годунов». Серия портретных листов — Борис, Шуйский, Марина, Юродивый, Григорий, Варлаам — зрима першина того, что создал Кибрик в инновационной иллюстрации. И тут есть свое объяснение: дело не только в своеобразности манеры, в выгодах того, что дает такому художнику, как Кибрик, крупный план, в достижении черно-белого, а именно, само-белого цвета, когда речь идет о фантуре документальной, дело в том — здесь являлось свое убедительное подтверждение главного качества Кибрика — человека, постижение человека. Можно сказать: все, что делал Кибрик с той далекой поры, когда его тропы обратились к крупным созданиям мировой классики — «Колла», «Тиль», «Вульва», «Быланы», «Борис» — убедительно воплощено в художественном цикле. Чем значительна эта книга? Есть ощущение художественной зоркости и исследования человека, его психологии, его души. Сила личности художника точно сбила с силой личности его героев, и художник не спавовал, он проник в святая святых человека, не вознигу на его своеобразии, его суверенности.

Особое место в труде мастера — Ленинград. Кибрик волею за все, когда главные черты нашей Ленинградны уже обозначались. Тут был для художника своеобразный вызов. И он принял его. Кибрик создал немного работ, но каждая из них, хочу думать, останется.

Случайно или нет, но последним крупным созданием художника была работа, которая дала ему возможность утвердить свои творческие принципы, — он как бы осмыслил пройденный путь, взглянув на него с той строгой требовательностью, на которую был способен. Это голговетский «Портрет» — примота, с которой писатель говорит в этой своей повести о признании художника, давала Кибрику единственный и своем роде высказаться о главном, как предельно сегодня в его сознании великое понятие — реализм. Именно сегодня. Его иллюстрации и «Портрет», конечно же, реалистичны, но в них явствен рыбок в

день заграничный. А это возвращало к тому, что, казалось, осталось позади и не-таи было с художником. Кибрик будто оторвался на двадцатые, еще раз спросил себя: да все ли он взял оттуда? Человек чистого и храброго сердца, Кибрик понимал, что истинный реализм живи новою, которую не перестает открывать для себя художник. Он восхитился формулой Густава Курбе, полагая, что правда искусства в ней: «Быть в состоянии передать нравы, идеи, облик мой эпохи согласно моей оценке; быть не только живописцем, но еще и человеком, одним словом, создателем», — нивное искусство — такова моя цель». Суть поиска позднего Кибрика надо понимать, постигая «Вориса» и «Портрет» — недаром они хронологически следуют друг за другом. Ухудники, как нам кажется, обрета себя в стремлении сблечь степень исследования человека, добытого в «Борисе», со своеобразным письмом, которое явил «Портрет».

В работах альбомах Кибрика сохранились многочисленные эскизы к этой новой работе — художник, обычно отходящий осуществлению каждого нового замысла два-три года, тут подошел год, учитывая уже затраченные годы. Но, как это бывает часто, именно этого года художнику и не хватало...

Я говорю о шекирсовском «Отелло», желании иллюстрировать которого было самой сильной страстью мастера в эти годы. Ирина Кибрика, жена и друг художника, написавшая воспоминание и книгу мастера, отмеченная на мой взгляд, точностью мысли и наблюдений, воссоздает любознательные и значительные подробности, относящиеся к этой последней работе мастера. По ее словам, после ряда поисков, колебаний Евгений Адольфович решился взглянуть на «Отелло» В. Шекспира. «Почему так долго он не приступал к этой давно им задуманной работе? Тут был ряд причин, и одна из них — это мысль: хватит ли сил справиться с поставленной перед собой задачей? А задача он поставил бочку трудную: передать (как он выразился) всю гамму искренних человеческих чувств — любовь, ненависть, преданность, воодушевление, доброту, злобу, хитрость и т.д. — передать эти чувства не через портреты действующих лиц, а в основном через диалог». Как видит читатель, уже в этом намерении мастера — через диалог — есть перспектива поиска, шаг от «Вориса» и «Отелло», следующий шаг на бесконечном пути ищущего мастера, следующий шаг — тут весь Кибрик.

Кибрик творил, общался с большой группой молодых художников, — он хотел, чтобы его дело и слово помогали нашему искусству, стало для них примером и заветом. Книга Кибрика обрела, смею думать, все сказанное художником востину. Это и исполнение мастера, и его талант. Тем ценнее это для нашего искусства, тем большую благодарность заслуживает художник.

Савва ДАНГУЛОВ.

Иллюстрации Е. Кибрика к «Тарасу Бульбе», «Колла Брюнович», «Тяма Улемашеву».

К 40-летию победы над Японией

ШЕЛ СОЛДАТ ЧЕРЕЗ ВОЙНЫ

Год 1945-й. Июнь. Приграничная с Китаем территория Монгольской Народной Республики. И вперед, и назад, и в сторону под испепеляющими лучами солнца мертвая замаскированная равнина, раскиданная до полусмерти горами. Тихо не слышно здесь признаков жизни: Гоби — безводное царство пустыни.

«Кажется, приехали», — подумал солдат.

1418 дней шел он в Победу. 9 мая салютовал миру, будучи в Восточной Пруссии, в Дялдуле, и вдохнул, наконец, свободно и легко от мыслей о скором возвращении домой. А 12 мая приказ в полном боевом снаряжении погрузиться в шельон. 17-й инженерно-саперный батальон в составе 39-й армии перемещался на восток.

Сержант Александр Юшкевич, 27-летний сапер, до войны пахал землю и севал хлеб да учился портновскому делу. В мае сорок первого его призвали в армию.

Уже на груди блестяли медали и ордена Красной Звезды, полученные при освобождении родной Белорус-

си, в войне, казалось, не было конца. В часы тишины между боями он брал портфельные ноты и играл, давал солдатам гимнастерки и шинели — так, ради пользы, а больше для собственного удовольствия.

В июле на 9 августа войскам было прочитано заявление Советского правительства о вступлении СССР в войну с Японией. Началось наступление советских войск по всему фронту.

В июле на ночном марше Юшкевич видел лишь силуэт слухи идущего вперед. Непроглядная темень поглотила все остальное. Раскаленные за день пехоты и конницы обдавали людей утомительным жаром. На суточный переход каждому выдали по флажке воды.

Но вот долгожданный привал. Есть не хотелось, не хотелось спать. Уставшие бойцы валялись на растеленные шинели. Сколько их будет, этих привалов? По 60—70 километров в сутки шагать, солдат, предстоит дорога длинной и под-Бероуи.

Осталось еще 23 дня. Но

кто знал тогда, что их будет всего лишь столько.

Войска 39-й армии перешли в наступление без артиллерийской подготовки, с ходу уничтожая противника и стремительно продвигались вперед. По временам, однако, бой разгорался с такой силой, что немалым вкладам в памяти Юшкевича картины военного прошлого. Но приостановить наступление советских войск не могли уже никакие контратаки японцев.

Из оборонительных районов их вытеснили. На шестой день боевых действий японское командование запросило капитуляцию, но медлено с отлагачиванием своим войскам сдать оружие.

2 сентября Япония капитулировала. И в далеком Португалии сержант Александр Юшкевич, не срывая еще погон, уже занимался своим любимым делом: в армейской мастерской шил он военную форму для тех, кому пришла пора демобилизовываться и возвращаться домой. — Победитель провалялся в повешенных мушкетерах.

Через год настал и его срок.

Юшкевич поселился в Москве.

Прошло сорок послевоенных лет. Все эти годы он трудился в мастерских Большого театра. Ему под сорок лет — возраст пенсионный, а любимую работу бросить не хочет. Ного только не одевал он за это время! В синих же одеялах выходили на сцену Большого персонажи — современники Ивана Грозного, декабристы, герои голливудской классики.

В 1976 году, в дни празднования 200-летнего юбилея Большого театра, Александр Юшкевич был награжден золотым памятным знаком как старейший заслуженный работник этого всемирно известного театра.

Нынешней весной его группа готовила премьеру оперы Сергея Прокофьева «Повесть о настоящем человеке». Юшкевич шил костюмы артистам, выступавшим в роли партизан, и за делом вспоминал свои боевые годы.

Дмитрий ТУЛАЕВ, корр. АГН — специально для «Советской культуры».

ДНЕПРОПЕТРОВСК:

ЗВОНОК ИЗ КОРПУНКА Праздник МУЗЫКИ

Сегодня в Днепропетровске открывается Всесоюзный фестиваль советской музыки. Из всех республик страны съезжаются сюда известные композиторы, исполнители, многочисленные гости. Свои творческие отчеты перед трудящимися города и области музыканты представят XXVII съезду КПСС.

Вечером в Летнем театре городского Парка культуры и отдыха имени Г. Шевченко состоится торжественное открытие-кошери, где прозвучат хоры и симфонические сочинения москвитяев А. Холмогорова и К. Волкова, А. Штогерико (Украина), Р. Кавиро (Эстония), песни авторов из разных республик. Слушателям встретятся здесь с известными исполнителями коллективами Гостелерадио — Академическим Большим хором, режиссерами Л. Ермаковой, и Эстрадно-симфонический оркестром (руководитель А. Петухов), с Днепропетровским симфоническим оркестром (главный дирижер Г. Карапетян).

По 8 сентября продлится праздник советской музыки. И каждый его день обещает днепропетровцам много интересного. Концерты состоят ежедневно сразу на нескольких площадках города. Среди производителей, предлагающих слушателям, концерты с оркестром Т. Хренникова и А. Зыряна, Р. Газизова (Башкирия), Е. Рахматова (Кавказ), симфонии А. Меликова (Азербайджан); инструментальные сочинения С. Цинцедзе (Грузия), А. Фляриковского, Е. Станковича (Украина); хоры и камерная вокальная музыка Марины Д. Кабелеско, Р. Шедрина, Б. Чайковского, А. Николаева, В. Лауршевича (Литва), И. Лученка (Белоруссия); в концертах прозвучат также камерная опера М. Таривердиева и камерный балет Я. Фрейлина, произведения известных композиторов-песенников и много, много другой музыки разных жанров, стилей, почерков.

Обращает на себя внимание и разнообразие исполнительских сил: кроме названных выше известных коллективов Гостелерадио, в фестивале принимают участие Львовский симфонический оркестр, Новосибирский камерный хор (руководитель Б. Певзнер), ансамбль скрипачей Сибири (руководитель М. Пархомовский), Вильямский струнный квартет, Квартет Гостелерадио Грузии и большая группа солистов музыкальных театров и филармоний страны.

Фестиваль выйдет далеко за пределы города, охватит всю область, и, помимо концертных выступлений, состоят творческие встречи композиторов и исполнителей с трудящимися металлургического завода имени Г. Петровского, производственного объединения Южного машиностроительного завода, горняками Кривого Рога, тружениками Новоомосковского, Николаевского, Павлоградского районов. В рамках фестиваля организована научно-практическая конференция на тему «Музыка и слушатель».

А. ПАЛЬМ, спец. корр. ДНЕПРОПЕТРОВСК.

Карпов — Каспаров:

Кто победит?

Десять матчей на первенство мира по шахматам проводится в Москве. Сегодня стартует одиннадцатый. По доброй традиции все эти крупнейшие состязания проводятся в традиционных и концертных залах столицы. Теперь своеобразным шахматным клубом становится Концертный зал имени П. И. Чайковского, где начинают свое единоборство Анатолий Карпов и Гарри Каспаров.

У каждого состязания за шахматную корону свои фавориты. Большой след в истории шахмат оставил предыдущий поединок между этакими гроссмейстерами. Совершенно беспрецедентное, удивительное спортивное зрелище из 48 партий было прервано, и взысканным экзаменом двух выдающихся шахматистов современности был перенесен на осень. Приоритет в шахматах, как и в любой области человеческой деятельности, — дело нелегкое. Тем не менее многие любители перед начинающимся соревнованием стремятся предугадать его результаты. Потому что зрелище это интересное. Всегда есть желание что-то объяснить и доказать своим собеседникам, проявить осведомленность во многих вопросах шахматной жизни. Каждый «завтрак» чем кончится матч, но всем хочется услышать мнение признанных авторитетов. Но гроссмейстеры крайне осторожны в оценке шансов участников состязания.

Недавно в Варшаве побывал известный аргентинский гроссмейстер М. Найdorf. Беседа с польским журналистом, он высоко отозвался о волевых качествах Карпова, полагая, что трехкратный чемпион мира будет всю жизнь защищать свой титул. А Каспаров? «Претендент умеет выигрывать, но еще не научился проигрывать», — заметил Найdorf, добавив, что в новом матче Каспаров будет играть сильнее, чем в прошлом.

Датчанин Б. Ларсен ждет высочайшего накала борьбы практически в каждой партии. Участники матча, по его мнению, продолжат дебютную линию предшествовавшего матча: будут до предела оттачивать применяемые ими варианты. «Бессспорно, теория шахмат обогатится замечательными новинками, которые смогут не просто удивить, но и поразить воображение знатоков дебютов», — сказал гроссмейстер.

Чехословацкий гроссмейстер М. Флорин считает, что матч во многом определит путь дальнейшего развития шахматного творчества.

Вчера в Концертном зале имени П. И. Чайковского со-

стоялось официальное открытие матча. Собравшиеся снова увидели участие участников матча вместе. Радом с ними на сцене были организаторы состязания, арбитры, почетные гости. Они говорили о том, что начинаются соревнования в шахматах, как и в любой области человеческой деятельности, — дело нелегкое. Тем не менее многие любители перед начинающимся соревнованием стремятся предугадать его результаты. Потому что зрелище это интересное. Всегда есть желание что-то объяснить и доказать своим собеседникам, проявить осведомленность во многих вопросах шахматной жизни. Каждый «завтрак» чем кончится матч, но всем хочется услышать мнение признанных авторитетов. Но гроссмейстеры крайне осторожны в оценке шансов участников состязания.

Недавно в Варшаве побывал известный аргентинский гроссмейстер М. Найdorf. Беседа с польским журналистом, он высоко отозвался о волевых качествах Карпова, полагая, что трехкратный чемпион мира будет всю жизнь защищать свой титул. А Каспаров? «Претендент умеет выигрывать, но еще не научился проигрывать», — заметил Найdorf, добавив, что в новом матче Каспаров будет играть сильнее, чем в прошлом.

Датчанин Б. Ларсен ждет высочайшего накала борьбы практически в каждой партии. Участники матча, по его мнению, продолжат дебютную линию предшествовавшего матча: будут до предела оттачивать применяемые ими варианты. «Бессспорно, теория шахмат обогатится замечательными новинками, которые смогут не просто удивить, но и поразить воображение знатоков дебютов», — сказал гроссмейстер.

Чехословацкий гроссмейстер М. Флорин считает, что матч во многом определит путь дальнейшего развития шахматного творчества.

Вчера в Концертном зале имени П. И. Чайковского со-

МИКРОЭКРАН ПРЕСС-СЛУЖБЫ «СК»

В ВАННЕ ПО ВОЛНАМ

На Женевском озере близ Лозанны состоялось IV микро-первенство по плаванию в ванне. Приемные дружные купели, оборудованные как ванны, не могли развить большую скорость, более того, многие участники постигли неудачу: порывы ветра превращали «плывущие ванны» в морозовод

приходилось сдвинуть с дистанции. Зрители забавлялись именно такими происшествиями, однако делались ставки и на то, кто же будет чемпионом. Но так как победа в этом виде состязаний не имеет никакого отношения к спорту, то жюри Ассоциаций Пресс даже не называет имени победителя.

Рис. К. Рыбалко.

РАДУЮТСЯ КАК ДЕТИ

Бельгия отмечает 150-летие своего железнодорожного транспорта. В связи с этим в центре Брюсселя царит необычное зрелище: на площади проложена миниатюрная модель дороги, по которой, пытаясь и поспеть, бегает крошотный паровозик, прелесть которого в том, что он тянет современные мощные локомотивы. У ограды вокруг этого аттракциона всегда толпятся улыбающийся народ, взрослые радуются, как дети, что со вздохом вспоминают свою очень далекую молодость, а кто утверждает, что в век космических скоростей куда приятнее было бы прокатиться под звуки «плак-плак».

ДЖИГИТОВКА НА БЫКЕ

Редкую специальность приобрел некий Хейнц Фотек из небольшого поселка в преддверии Дюссельдорфа (ФРГ) — он занимается выездкой быков. Эта мысль пришла ему в голову, когда он, владевший небольшой фермой, сумел подружиться со своим быком по кличке Думбо. Бык-тажеловое покорно галопирует под седлом со скоростью 25 километров в час — азартно берет препятствия высотой почти в метр. Г. Фотек получает многочисленные приглашения на различные праздники, не только сельские, где показывает свое умение скакать на быке.

СПОКОЙСТВИЕ, ТОЛЬКО СПОКОЙСТВИЕ...

Что делают французы по воскресеньям? Ничего особенного, они расслабляются, если верить социологам, опубликованным недавно в одном из крупнейших еженедельных результатов своих исследований. Северо за десятилетия французские предпочитают провести время в спокойной беседе, больше положены из них встречаются с родственниками и друзьями, каждый второй едет за город, мастерит что-нибудь или занимается садоводством. В выходные с удовольствием готовят «что-нибудь вкусненькое». Короче говоря, чаще всего в воскресенье французы остаются дома.

Правда, многим, примерно 40 процентов, хотелось бы чаще выезжать, например, в музеи, ездить на экскурсии или просто ходить в гости. 69 процентов французов признаются, что они не любят посещать воскресные мессы и спать после обеда. Еще большее число их соотечественников, почти 90 процентов, как выяснилось, никогда в этот день не проверяют, выполнены ли чада домашние задания или нет, и уж тем более нетерпеливо отказываются подготовить что-либо в преддверии новой рабочей недели.

Ну, а вечером? Театр, кино, концерты? Не исключено, но все же 72 процента из 100 предпочитают отдавать предпочтение. Таким образом, считают социологи, воскресный девиз французов можно назвать: «Спокойствие, только спокойствие».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Наш адрес: 101484, ГСП-4, Москва, Новослободская улица, дом 73. Телефон для справок: 285-78-02. Орден Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Б. 02550. 50126. Изд. № 2329.

И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ...

Тот, кто слушал, легко поймет меня. Войны всегда без различия порою войска находились между собой одной линией. Вот почему мы, морские десантники, очень быстро подружился с танкистами, расположенными неподалеку от бывшей резиденции японского командующего морского базой, в которой с конца августа 45-го находились наши штабы. Особенно быстро сблизились земляки.

Однажды в свободный от службы час и забавляя и своим новым дружинами-танкистами, среди которых были москвичи, вспоминали в одной из комнат, помечтали вслух о том, как снова вернемся кто на Татанку, кто в Союзный, а я в Заряде, откуда уходили мальчишками и нудя через годы и

расстояние догадываем усталими мужчинами, сполна познавшими, почему бунт анкла в военную годину.

— Кто по делам службы и попал в Далекий. Когда мы выехали на территорию порта, и я вдруг, к своему великому удивлению, увидел одного из приключений громаду военного корабля, видимо, крейсера, под американским флагом. Как тут ты вымыслил, союзники очень интересовались Далекий и не прочь были бы обосноваться здесь. В порт они явились без всякого приглашения и поинтересовались его лишь после настоящего предложения советского командования.

В центре Далекого был крупный отель «Ямато». В нем размещались некоторые военные учреждения. Тут

же литались офицеры. За большим столом сидели уже не только танкисты и летчики. Затем напротив меня заняли свободные места два моряка. Сидевший рядом подполковник, обращаясь к ним, спросил:

— А вы, моряки, что там не лезете? Ведь сегодня праздник...

— Какой? — вежливо спросил русский капитан.

— Да вот, сообщим, что нынче день Победы над Японией... Было это ровно сорок лет назад — 3 сентября 1945 года. Очень скоро мы все переименовали. Капитаном III ранга оказался Герой Советского Союза, прославившийся ватерни-савромцем Анатолий Исков, а высочайшим капитаном — молодой тогда писатель Александр Маршанов. Вспомнил я

об этом, увидев недавно в одной из передач Центрального телевидения выступление контр-адмирала Анатолия Ивановича Искова, Александра Маршанова, который после войны много лет работал в «Новом мире», увы, давно уже нет в живых.

Когда в далекие предвоенные годы мы с воодушевлением произносили слова из песни: «И на Тихом океане своя заповедь покор...», то, конечно же, и не предполагали, что именно так завершим свой последний военный марш. Но судьба распорядилась именно так...

М. ТОРЧИНСКИЙ.
● Бойцы 6-й танковой армии в г. Далекий.
Фото Е. Халдея.

ИЗ ЗАЛА СУДА

Воры

СКАЗАЛИ: «За эти похищенные деньги — килограмм литья». Новые стили уже три килограмма.

Литья мешали на крошечной и ноготки, синтера и туфлы, «посольскую» водку, очки от солнца и музыкальные костюмы «тройная»... «Нашинуешь рублей, как шапугу», — любил повторять Крылов, вербуя поставщиков литья.

«Обладатель счастливого детства, Александр Крылов, для которого, по его собственным словам, «мама делала все возможное», первое потрошение испытал в двадцать лет. «Инцидент», как окрестил он свое хулиганское нападение на прокуратуру, не исчерпался на этом. Он начал строить народного хозяйства. Он отсюда сбегал, так и не приступив к работе. Пришлось суду избрать для беглеца якую меру наказания, а именно: лишние свободы.

Находясь в заключении, Крылов «сделал выводы», которые не замедлили вновь привести его на самую подступимую. Ибо были до омерзения бабы: урвать там, где плохо лежат.

На сей раз «плохо лежал» бидон со сметаной. И хоть сам Крылов и хищник не участвовал, припрятать его пришлось помогать. За что и получила год исправительных работ с вычетом из зарплаты 20 процентов и доход государства. Но не отчаивался. Был он, по собственному признанию, «человеком веселым и шустрким», пока не занял подпоры тысячи рублей для приобретения садового участка. Бесстыдно поубавилось: долг-то надо отдавать. Выручила шустрица: «Тогда и я ринуть встать на путь спекуляции, слышал мельком, что за счет скупины литья можно обогатиться».

Выбор «источника дохода» не случился. Ведь родился и жил

«предприниматель» в Калининграде, недалеко от моря, которое предки наши называли Янтарином.

85 процентов мировых запасов «солнечного» металла находится у поселка Янтариный. Поэтому и комбинат здесь — крупнейший в мире.

— Выносил литья на карьер, я, конечно, понимал, что совершаю кражу, — признает на суде Сергей Самойлов, первым понапавший и лаял спекулянта. — Но поучился один раз. Я решил, что это выгодно и не хлопотно...

Это действительно было выгодно: мелкий литья шел по 15 рублей за килограмм, крупный — по 70—80. И не хлопотно, за исключением того, что в одиночку Самойлов не мог удовлетворить всевозможные аппетиты Крылова.

Правой рукой Самойлова стал его тезка Сергей Сарнинов. Одним из первых откликнулся и Юрий Роговиченко. А Юрий Панов, узнав, что за литья ребята достают дефицитные вещи, сам предложил свои услуги. Так незаметно, но очень скоро в орбиту купил-продажи оказались втянутыми Андрей Курялов, Василий Горчаков, Александр Толстуха, Борис Лученко... 14 работников комбината! «Это была поражающая — следовательно по особому важным делам майор милиции Д. Сухова, возглавлявшая оперативно-следственную группу, нашла единственно верное определенное случившемуся.

Кто же они, молодые парни, едва успевшие обзавестись семьями, с порохом начавшие самостоятельную жизнь?

— В лице подкупили мы потерян отличных спортсменом — в городе — поселился в секретарем комсомольской организации участка,

та Н. Навицкий. А не он ли во время туристической поездки в Вильнюс в апреле 1983 года взял у Самойлова два куска литья, чтобы отблагодарить насривну на стадионе, оставивший для них билеты на футбольный матч!

— Спортный цвет общества! — вторил предыдущему оратору мастер комбината А. Вербиц — Нишункин? Тихий, исполнительный. Роговиченко? Скрытый, ласковый, неукротимый, болел за участок. Лученко? Надыный до работы, ни прогулов, ни опозданий...

Поверим в искренность отрочених наставника. Но пусть вспомнит Альберт Степанович, как нашел однажды в карьеру уникальные куски литья в 700 граммов, и вместо того, чтобы сдать его на фабрику, «подарил» Данзбергу за 35 рублей!

Об Артуре Данзберге разговор особый. Работая сменным мастером на участке, он скупал литья, похищенный его подчиненными! А в хантаристике, затребованной следственными органами, напишут: «Умело направлял коллектив на выполнение производственных заданий».

Но кто действительно выдал всеобщее недоумение, так это Самойлов. Честный, добрый, энергичный, активный, первый, где трудно...

— Мы были поражены, — признает бывший член комитета ВЛКСМ комбината Н. Перхун.

Поразили и в самом деле есть чему: Сергей Самойлов был секретарем комсомольской организации участка,

членом городского комитета ВЛКСМ.

ПАРАДОКС заключался в том, что преступление не было тайной. Покрыл почти, под которым проходило мельчайшее литье, сумок, автомобилей, оказывается, ничего не скрывал. На суде выяснилось, что в поселке многие знали о хищении литья с комбината. Не могли не знать об этом и на самом комбинате. Что же позволяло преступникам так долго оставаться безнаказанными?

Здесь уместно сказать о технологии. Она явно нуждается в улучшении. И не только потому, что устарела, нефестивальная. Технология, при которой масса литья уходит в отвалы или сбрасывается в море, ушерба для нравственности работающих.

Итак, трое из числа осужденных — Роговиченко, Горчаков и Кабанов — уже замечались ранее при попытках хищения литья. Привлечь их и уголовной ответственности тогда не хватило достаточных юридических оснований. А чего не хватало, чтобы отстранить их от работы, связанной с литьем? Что помешало обратиться к совети?

Сопсем не для красного слова сравнил возбуждение уголовного дела с хирургическим вмешательством начальным отделением ОБХСС Калининградского областного подполковника П. Пайкина. Десять месяцев (!) он вместе со своими кол-

легами из Светлогорского городского отдела внутренних дел капитаном В. Захаровым и старшим лейтенантом В. Зайцевым распутили преступный клубок.

— В медицине, — рассуждает Павел Ильич, — часто можно избежать операции, если вовремя распознать болезнь, правильно лечить. К последней жизни это относится в еще большей степени.

Были ли «терапевты» на комбинате?

«Поскольку на литья у нас смотрели просто, и начал заниматься его хищением», — это из признания Сарнинова. «Литья в карьер брали безнаказанно, и я решил, что так можно достать себе рубль», — поделился Роговиченко.

Список «откровенных» можно продолжать, да стоит ли? Они не блещут разнообразием. Прибавить к этому выбитые она в галерею, через которые действовали расхитители и которые застали только после частного определения в адрес комбината. «Прорехи» в здании богатейшей фабрики — результат пожара, случившегося в 1982 году. Больше года(!) они оставались незаделанными. Не выловились издаваемые самим же комбинатом инструментами и приказы. Такая вот «терапия»!

Тринадцать томов в уголовном деле. Шестнадцать осужденных! Сколько свидетелей! Работников комбината, не бравших, но молчаливых, жен, родителей... Что

же это, как не пораженности сознания? Пораженности доступности.

И еще об одной проблеме нельзя умолчать. Литья с комбината «улыбывал» и превращался в ювелирные изделия, сувениры. Знали ли народные мастера Клайеды, Вильюсы, Паланги, что им предлагали похищенное, или догадывались — вопрос не в этом. Что застало их скупать литья у спекулянтов, если они получают сырье с художественного комбината? Как выяснилось, плохое качество предоставляемого комбинатом литья, из которого «трудно изготовить продукцию, пользующуюся спросом». А «для изготовления выставочных образцов литья и вовсе не дают. Нужно иметь свое сырье». Таковы проблемы «организационных» надомников. А сколько в Прибалтике, да и в Калининградской области мастеров-одиночек! Для них скупка — единственная возможность приобрести материал для поделок (не считая, конечно, понос на изморь). Есть над чем подумать и союзам художников — республик, и министерствам культуры, и художественным фондам.

На стоимость литья влияет классность, о которой «старатели» не имели ни малейшего представления. А что они вообще знали о камне, насчитывающем более 200 разновидностей, из бесчисленного множества кусочков которого не встретится даже двух, повторяющих друг друга своим внутренним рисунком?

Для них это был сырец — в переплет, со спичечный коробок или с мужской кулак. За крупный больше платили, да и брать

его было удобнее. Деталь: когда началось следствие, на фабрике стали попадаться уникальные куски по 500—600 граммов. Раньше они в основном «выдаивались».

Суд учел все: и личности обвиняемых, и чисто сердечное раскаяние, и чью-то активную помощь в ходе следствия... И отнесся гуманно. Приняв подсудимых виновными в хищении государственного имущества и особо крупных размерах и спекуляции, большинство определили меру наказания ниже низшего предела: лишние свободы сроком на 6 лет. Александр Крылов в приворотел к 8 годам.

Юре Роговиченко, первым сознавшемуся в совершенном преступлении, подбросил записку: «Предатель!» Остается надеяться, что отправитель столь гниющего послания попал и в конце концов не его и не друзей «предателя» Роговиченко. А жене, оставшуюся с двумя детьми. И не сейчас, а гораздо раньше, когда сделал ей к 8 Марта подарок, приобретенный на ворованный литья. А разве Самойлов не предал дочь, родившуюся уже без него? А Данзберга? «Сын мой случайно заблудился», — плакала мать. — Он ведь у меня один остался, второй погиб, спасая жизнь другому...»

...Когда-то былины и сказания наделили литья-камнем, как они называли литья, способностью излечивать от всех болезней, даровать бессмертие. Но и тогда он не спасал от бесчестия.

Н. МАЙДАНСКАЯ, спец. корр. КАЛИНИНГРАД.

А. ПАЛЬМ, спец. корр. ДНЕПРОПЕТРОВСК.